

О ЛЮДЯХ И ЗВЕРЯХ

С СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

НИКИТА ФУХСОВ

Никита Фухсов

О людях и зверях

<https://litres.ru/74210412>

SelfPub; 2018

Аннотация

Всего за пару часов судьба моей семьи выворачивается наизнанку. Еще вчера мы наслаждались жизнью, праздновали выпуск университета, а на следующий день нас ждал отдаленный городок на западе Украины. Городок, где ложь и презрение прячутся за маской процветания. Где люди ведут себя как звери, а звери проявляют понимание и чаще, чем люди. Где чужой поступок ценой в жизнь ставит меня перед выбором: сесть в тюрьму или отправиться на войну? Я пошел ва-банк: заключил сделку, поставив на кон будущее семьи. Сделку, на которую не согласился бы никто из жителей. Но мы должны были выбраться из этого ада. Любой ценой.

Содержит нецензурную брань.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

О людях

Глава 1. Добро пожаловать в Зомбиленд!

В не совсем забытом уголке на западе нашей страны, о котором вы никогда бы не слышали, как я, если бы судьба не махнула рукой в том направлении и не отправила меня на поиски лучшей жизни, день по-обычному мерцал персиковыми сумерками. Как и везде, как и всегда – значит, не такое уж и забытое место. Оно напоминает те деревушки, которые возомнили себя городами, но почему-то едва ли остаются в памяти людей, мимо проезжающих автомобилями, автобусами или ревушими как драконы мотоциклами. В их глазах подобные места сливаются в одну тонкую линию, маячащую на скорости перед глазами. Как говорят: смешались в кучу кони, люди... В принципе, так оно и есть. Страдающие манией величия деревни-переростки выставляют, как водится, все напоказ у главной дороги. Главной она зовется, потому что какая-то доля асфальта в ней все-таки осталась, хоть и вычислять эту долю приходится в довольно небольших количествах. Едешь мимо, сбавляя скорость до сорока километров в час, чтобы не превратить на ухабах железного коня в железное корыто, безразлично всматриваешься в холодные досоветские стены, на которых мигают не все буквы вывески магазина, и понимаешь: как здесь вообще люди живут? Или так: здесь вообще *люди* живут или кто? Даже то, что якобы

гордо выставляют, как на ярмарке, выглядит убого и отталкивающе. Что же творится тогда за пределами так называемой цивилизации?

Никогда не думал, что на этот вопрос получу ответ. Более чем исчерпывающий.

Мы стояли вместе с женой на остановке. Старенький полосатый автобус культурно выплюнул нас и умчался по маршруту, бултыхая прелыми пассажирами. На спине у каждого из нас висели портфели. Мой – набитый одеждой, едой и средствами гигиены. Приятно тяжелый. У жены – бутылка воды и личные вещи.

Вокруг было тихо. Для вечера воскресенья в подобных городишках – это очень странно, но тогда мы еще не знали всех законов «сельской» жизни. Тогда мы вообще подумали, что нас высадили в городе–призраке.

На остановке ютились два магазина – продуктовый и с бытовой химией. Оба были закрыты на тускло-белые решетки. Неподалеку растянулись серые стены супермаркета с непонятным названием «Киев-Запад». «Ирония», – подумал я. Мы только недавно приехали с Киева, где я оставил семь лет своей жизни и три года жизни моей жены. С Киева на запад. В глушь. В город под названием Небольшие Мостки.

Летняя пыль щедро витала в воздухе, щекоча ноздри. Я несколько раз чихнул, услышал «будь здоров!» и оглядел место, где мы сейчас находились.

– Нам вроде туда.

Взял жену за руку и мы направились вслед за утонувшей за поворотом маршруткой. Где-то через перекресток по правую сторону должно было вынырнуть трехэтажное желтое здание, над которым дугой выгнулось слово «подснежник». Нехитрое название для ресторана-отеля. Нашли, благо спрятаться за ветвями зеленых каштанов зданию было нелегко. Возле него сучали четыре аккуратные скамейки, расположенные по бокам от круглого постамента с цветами и подсветкой. В Центре постамента над людьми возвышалась статуя Божьей Матери в нежно-голубом обличье. У ее ног лежала лилия.

Мимо нас неспешно прошла старушка, остановилась перед статуей и скромно перекрестилась слева направо. А потом исчезла за пятиэтажкой, что возвышалась метрах в пятидесяти за постаментом.

Постепенно, будто локация только-только загружалась, в Мостках пробуждалась жизнь, или же это были всего лишь ее отголоски. Бабушка замыкала представление. Занавес упал; мы остались на сцене одни.

Территория ресторана-отеля была скромных размеров – развернуться там мог разве что очень способный водитель. Но главное «преимущество» современного строительства – возможность двигаться вверх на малых площадях. Поэтому владельцы сильно не заморачивались где кто чем будет разворачиваться. С ресторана за руль не садятся.

Массивные дубовые двери – пафосная роскошь на послед-

ние деньги – впустили нас без скрипа. Со входа в ресторан доносились неразборчивые весёлые голоса – моторчик у кого-то постепенно затихал. Сбоку от дверей на второй и третий этажи вела лестница. Я оставил жену внизу – десять часов поездки явно не добавляли сил – и поднялся наверх. Закрыто: что на втором, что на третьем. Что ж, «подснежник» нынче разрешал веселиться, не более. Отдыхать извольте где-то в другом месте. На лавочках, например. А теплом июль согреет.

Оставался еще один вариант, в принципе – последний. На другой стороне дороги непривлекательное здание имело простую вывеску, состоявшую из двух букв: ЯР. «И здесь не прогадали», – устало улыбнулся я. Глупо было утверждать, что там мы не останемся на ночлег.

Вошли. Сгорбившийся, уставший от жизни пожилой мужчина безжизненно рассматривал бегущие картинки в телевизоре. Показывали спорт, но как бы футболист не старался, расшевелить смог лишь глаза пожилого.

– Добрый вечер. У вас есть свободные номера?

Не шелохнулся.

– Добрый...

– Я вас слышал. Номер есть, двести пятьдесят до тридцати ноль ноль следующего дня.

И затих.

Он напоминал мне робота, выдающего необходимую информацию без каких-либо эмоций или лишних телодвиже-

ний. Наверное, на западе все такие – европейские.

Мы переглянулись с женой и молча кивнули.

– Двенадцатый номер. По лестнице вверх и дверь слева напротив, – прокрихтел старик, вручая мне ключ.

Я поблагодарил, навьючил все сумки на себя и поднялся вверх. Ковер под ногами был мягкий, советско-узорный и пыльный.

Номер был неплох ровно до тех пор, пока жена не решила вымыть после дороги руки.

– Здесь течет протухшее железо, – раздраженно заявила она. – Прекрасное место. Просто прекрасное.

– Погоди, пускай стечет. Может, вода станет лучше.

Не стала. Казалось, где-то в реке, пересекающей Небольшие Мостки, детишки бросали камешки в воду и случайно подбили пролетающего мимо Железного Человека, который скоростно утонул в мелководье. Но нет, все оказалось гораздо банальней: поставщиком отходов в реку служил дом престарелых. Я не знал где он находился и знать не хотел, но подозревал, что помимо канализационных стоков, в Рату – очень символичное название реки – сбрасывали и отживших свое стариков. Экономия должна быть экономной.

Пока стекала грязная вода, вместе с ней таяла надежда на то, что это наихудшее, что может здесь случиться. Я сбегал за электрочайником к администратору, параллельно узнал где можно подогреть смятые бутерброды с сыром и помидорами. Вернулся в номер, щелкнул замком. Мы снова спрятались в

нашем мире, в блаженной изоляции от людей, от пропитанного выхлопами проезжающих тировцев воздуха. От реальности.

День уже давно закатился монеткой за горизонт, а мы только уселись ужинать: вермишель быстрого приготовления, бутерброды и зеленый чай с печеньем. После всего этого мотельная скатерть, естественно, прибавила к имевшимся пятнам помидорные кляксы и след от вермишелевой юшки.

– Долго еще они там горланить будут? – спросила жена, ставя кружку на самодельный поднос из двух книжек.

– Сейчас. – Я быстро метнулся к окну, с трудом закрыл его и улыбнулся – теперь сюда ничьи вопли не доберутся. – Ну что, ложимся?

– Только в душ сбегая, хоть вода не самая лучшая. Но какая уже есть.

Я расстелил низкую дубовую кровать. Прилег, закинув руки за голову, и уперся взглядом в паука в углу потолка. Вот. Я. Здесь. Лежу в единственном мотеле захолустного городишка, которое – будь оно более удачливее – вполне могло стать главным местом действующей мистики в романах Стивена Кинга. Я никогда не мог подумать, что жизнь может перевернуться с ног на голову за считанные часы и от решений совершенно незнакомых мне людей зависит будущее нашей семьи. Они себе сидят в столице, в администрации, и с приторно-участливым лицом смотрят на тебя. Выслушав, вдруг сообщают, что моя причина, из-за которой я могу не подпи-

сывать дьявольский контракт с государственной пограничной службой, в особенный период не действует, так что придется мне стать мужиком и защищать границы нашей родины ценой жизни. Это настоящий мужской поступок, говорят они, а сами наверняка подумывают как вечером будут укладывать сделки в столичной сауне. Я чувствовал себя беспомощным цыпленком, который еще час назад уверенно заявлял, что не собирается бросаться в этот омут, что стоявшие рядом пять одноклассников подписывают себе пятилетний приговор, даже не зная, куда их отправят после того, как они черканут дешевой ручкой листок контракта – бумажки, зажавшей всех нас в тиски. Я бы не удивился, если бы для согласия потребовали каплю крови.

Мешанина в голове. Я не верил, что я здесь и одновременно ощущал каждой клеткой, что я именно в Мостках, что в эту секунду я живу и должен как-нибудь отсюда выбраться. Из трясины. Жаль, что она слишком сильно засасывала...

– Ау! Что завис?

Рина вышла с душой с белым полотенцем на голове и в пижаме, плюхнулась на кровать. Я подумал, что она тут же отключилась.

– Тебе завтра на работу... охренеть, – пробурчала она, лежа на левой щеке.

– Да. На работу. Надеюсь, меня вытурят оттуда в первый же день и мы вернемся в Винницу. А все, что здесь увидели, забудем страшным сном. И поучительным, – сказал я.

– Позвоним нашим? Хотя, они, наверное, уже спят.

– Почти десять. Скорей всего, бабушка укладывает Яру. А дедушка спит. Давай завтра.

– А на сколько тебе завтра? – спросила Рина и развалилась звездой почти на всю кровать.

– На пол девятого уже быть в части. Я скажу, что нам нужно поискать жилье в городе и уйду раньше.

С улицы донесся приглушенный стеклопакетом крик. С наступлением ночи, видно, из высотных конур вылезали они – погонные вампиры, жажда спирта которым затмила разум. На глазные зубы они насаживали по бутылке вина или чего покрепче, и откупоривали так, чтобы ни одна капля мимо рта не пролилась. Вскоре я узнал, что мои предположения оказались не бредовой фантазией.

– Я спать. Ты тоже ложись. – Рина зевнула, залезла под одеяло и повернулась ко мне спиной.

– Спокойной ночи.

Я щелкнул выключателем пыльной лампы. Летней ночью редко когда на улице царит темень. Однако в комнате стало непривычно темно и, как я себя не убеждал, что не смогу сомкнуть глаз, в следующую минуту провалился в сонное небытие, откуда меня вытащил только утренний будильник.

Пешком к части я добрался за пятнадцать минут. Доро-

га казалась бесконечной асфальтированной тропой, ведущей к чему-то нехорошему. Даже за километры от воинской части я ощущал, что идти нужно строго в противоположном направлении – подальше, а еще лучше сесть на маршрутку вместе с женой и умчаться во Львов, а оттуда – в Винницу, перекрестившись напоследок, проезжая часовню возле самого КПП. «Верующий» – подумают люди в салоне. «Упаси Господи переступить порог КПП» – открестился бы я.

С камуфляжным рюкзаком на плечах, тупенькой ухмылкой и растопыренными глазами летучей мыши я остановился у входа. Дверь жалобно пискнула и меня пропустили в тонкую кишку пропускного пункта, выходящая в желудок части – места, где все варилось в собственной кислоте.

– Кто тако-о-ой? – затянул браваду полноватый усатый прапорщик, поскрипывая за стеклянной перегородкой стулом. От него с обеих сторон сидело два серых зайца-погранца: солдат и солдат. Оба лысые, недоуменные, будто только что родились и беспомощно тычутся в разжиревшее тело военной части в поисках наиболее злачного соска.

– Я только прибыл на службу, – сказал и обрадовался, что не дал от нервов петуха. Все-таки первый рабочий день.

– Не зна-а-аем, не зна-а-аем, – задумался усатый. – А в какое подразделение и на какую должность?

– Преподаватель-кинолог.

Зайцы вернулись с нирваны и стали меня рассматривать.

– О-о-о-о, – кивнул прапорщик, и тут я представил, как он

сейчас лихо закрутит усы, достанет таблетки для улучшения пищеварения, помашет на меня грозно пальцем и вскрикнет на все КПП «ааай маладееец». – Первый день, да? А фамилия имя ваши как?

– Лейтенант Домс.

– Как фамилия? – изогнул брови прапорщик. Зайцы тоже.

– Домс.

– Роберт?

Я сначала не понял, а потом, улыбнувшись, уточнил:

– Нет. Кирилл Андреевич.

– Оооо, фамилия прямо как пиво. – Он хлопнул себя по животу и басисто засмеялся. Стеклянная перегородка предупреждающе задребезжала. – Ладно, проходи.

Пискнул зеленым турникет. Я поблагодарил прапорщика за не очень жесткий допрос и спустился по ступенькам вниз. В закрывающиеся двери услышал тихий как Дон голос одного из зайцев:

– Хреновое пиво, если честно.

Погода была солнечная, я бы даже сказал прекрасная, но только не в том месте, где я сейчас находился. Атмосфера – затишье перед бурей.

Первым, кто встретил меня в части был литый памятник: бравый солдат с ппш в руках и овчаркой у ноги. Разве мог я тогда подумать, что этот пес мог без проблем заменить на службе часть обучаемых здесь собак? По крайней мере, выдержки ему было не занимать.

Очень хотелось позвонить жене и услышать ее голос, убедиться, что это не конец света, не тупик в Богом забытой глуши, что я здесь не один. Совсем не один.

Я достал телефон, поменял сим карту и включил.

"Сим-карту не обнаружено".

Не понял. Повторил процедуру раз пять. То же самое. Телефон от психованного полета об асфальт спасло только то, что неподалеку стояла смирно женщина в форме. Она разглядывала свой погон, будто на нем должна была нарисоваться еще одна полоска от одного лишь упорного взгляда.

– Добрый день. Скажите пожалуйста, у вас есть возможность позвонить на «киевстар»? Мой телефон не видит сим-карту.

– Есть, – глухо ответила женщина и передала мне старенькую кнопочную «нокию».

Быстро набрав номер, я вслушивался в гудки жадно, как никогда, и плевать на то, что держать телефон возле уха во время гудков очень вредно.

– Алло?

– Солнышко, это я. У меня проблемы с телефоном. Не могу ни с кем связаться.

– А с чьего номера звонишь?

– Женщину попросил. Она неподалеку стоит – здание охраняет.

– Ясененько, – услышал я бодрый голос. Родной.

– Как ты себя чувствуешь? Чем занималась?

– Да я проснулась сразу после того, как ты ушел. Чем я могла заняться? Успела познакомиться с уборщицей, пока спускалась за чайником. Она сказала, что может помочь с поиском жилья. Приятная такая женщина. Разрешила переночевать у нее, пока не найдем, – сказала на одном дыхании Рина. Я знал – она улыбается.

– Значит, сегодня до двух мы с отеля съедем. Надеюсь, здесь есть хоть что-то стоящее.

– Судя по воде, здесь вряд ли знают, что такое цивилизация.

– Печально, – сказал я, разглядывая громадную доску почта перед штабом. Гордость части: все сморщенные и серьезно-напыщенные. Как картошки. Картошки в мундире.

– А ты как? – спросила Рина.

– Злюсь. Телефон симку видеть не хочет. Как всегда, в общем, – у военных все через жопу.

– Ага, как и у нас.

– Как и у нас.

Метрах в тридцати кто-то махнул рукой в мою сторону: силуэт в камуфляже, с черной выделяющейся полоской посреди лица. На голове у силуэта красовалась зеленая шапочка, похожая на те, что носят сторбленные бабушки, которые передвигаются мелкими шаркающими шажочками, держа обеими руками потрёпанную сумочку. Берет, кажется. Но я называл это головным пельменем.

– Вас зовут, наверное, – подсказала женщина, кивнув го-

ловой в сторону продолговатого нелепого здания кремового цвета.

– Тебя куда-то зовут? – спросила Рина.

– Да. Не знаю кто, но мне это не нравится. Ладно, Золотце, давай я тебя чуть попозже наберу.

– Я куплю тебе телефон.

– Вместе купим. Целую тебя.

– И я тебя. Пока.

Я шагал брусчаткой, положенной в стиле пьяного мастера. Справа от меня, из-под кустистых бровей сверлил взглядом отечественный мыслитель и поэт номер один. Губы трубочкой, усы подковой. Важный. Вечный.

Я уже мог различить детали машущего силуэта. Берет приглажен на левую сторону так, словно подполковника – судя по двум звездам на погоне на груди – каждый день гладили по голове за отменно организованную работу. Кожа его была сморщенной и обезвоженной. Мутные глаза утопали в глазницах от хронического недосыпа, а тонкая линия, которую я заметил издали, оказалась аккуратно подстриженным кустиком усов.

– Лейтенант Домс? – уточнил подполковник.

– Да.

– Пойдемте со мной.

Прежде, чем пригласить меня в кабинет, он пошевелил губами в разные стороны и нахмурился.

Кабинет был по-советски ухоженным и по-современному

обустроенным: два стола буквой "т", два ноутбука, МФУ; два широких книжных стеллажа, где ютились статуэтки собак и книги о них. Сейфы для очень секретных вещей: коньяка и нарезанного лимона. Наверное. Но самое главное было не в ноутбуках, не на полках и не в сейфах. Сокровища подполковника заняли пол стены между двух окон и еще часть противоположной. На одной висели всякие грамоты, благодарности и сертификаты об окончании каких-то престижных районных соревнований. Несколько из них были не на нашем языке – этими-то офицер гордился больше, чем остальными. "Вот! – кричала грамота. – Мейд ин Польша, мать вашу! Ин ПОЛЬША! А чего добился ты?!"

А я всего-на=всего бывал в Италии, Нидерландах, Германии, Ливане, Тайване, Молдавии, Турции и... Польше. Да, в Польше тоже был. Так что стена не впечатляла.

Другая стена была поинтересней: три больших темных полотна, на которые приклеили различные шевроны с кинологических подразделений, включая зарубежные. Даже американские имелись. Полис боди гард офисер... М-да, звучало.

– Садись, – прохрипел подполковник, указав на стул у стены с шевронами. Он сложил руки как в молитве и начал выдавливать из себя слова: – Я – начальник цикла кинологических дисциплин подполковник Орел Данила Иванович. Вас прислали сюда с администрации. Если честно, я не совсем понимаю, почему они так поступили и что вы здесь сможете делать. С кинологией вы не сталкивались?

Я молча покачал головой.

– Что ж, здесь преподают кинологические дисциплины. Вы, в принципе, ветеринар – что-то, а понимаете, но ничего, связанного с кинологией вам в университете не читали, верно?

Я кивнул.

Орел Данила Иванович протяжно хмыкнул, откинулся на спинку и посмотрел в окно. Видно, я его сильно утомлял.

– В вашем университете хоть читали военные дисциплины?

– Так... – ответил я неопределенным жестом, – поверхностно.

– Хм...

Начальник цикла задумался. Я в это время разглядывал каждую из заточенных в рамках грамот. Интересно, они хорошо горят?..

– Что с вами делать, лейтенант Домс?

– Я планирую уволиться, товарищ подполковник.

Его глаза немного вылезли с колодцев.

– Зачем тогда подписали контракт? – спросил он.

– Потому что причина, по которой я мог не подписывать его, оказалась недоступной в особенный период. Понимаете, моя жена и дочь – гражданки Бельгии, и они не могут находиться на территории нашей страны постоянно. Я говорил это в администрации, но они утверждали, что согласно обстановке, данные семейные обстоятельства утратили

свою силу. Когда особенный период закончится – я сразу же увольняюсь.

Загрузил я бедную подполковничью голову знатно: его брови сдвинулись чуть ли не на переносицу и грозились там и остаться.

Я почесал щеку и продолжил:

– А здесь оказался из-за того, что – как бы это странно не звучало – не ем мяса больше двух лет.

Данил Иванович гоготнул тихо и закатил глаза. "На тебе, он еще и мяса не жрет" – отпечаталось на его лице. "Подсушили мне мормона какого-то".

– Не ешь мяса? И жена тоже?

– Да. И дочь. Мы все не едим. Просто я в администрации уточнил, что если меня поставят на должность начальника лаборатории, то из-за моих убеждений вся армия перейдет на сельдерей и петрушку. Солдаты попросту подохнут без тушенки. И один из начальников предложил должность преподавателя в этом центре. И вот я здесь.

– И вот ты здесь... – подполковник покачал головой вперед-назад, переваривая информацию.

В окно залетели солнечные лучи: пробились сквозь тучи, сумели прорезать их плотную ткань и озарить трон бывшего военного офицера. "Давай я тебя подкреплю витамином Д, мой хороший" – говорило солнце.

– Что с тобой делать... – тихо произнес он, рыща глазами по кабинету. Может, ему хотелось заклеить мне рот и поста-

вить на полку как чучело, решив этим самым две проблемы: новоприбывшую занозу с невоенным сознанием и свободное пространство возле книжного стеллажа. Там как раз не хватало экспоната.

– Я надеюсь, что пробуду здесь недолго, – решил я разбавить паузу.

– Валерий! – гаркнул вдруг подполковник, что я аж подскочил. – Ознакомьте нашего нового... преподавателя с частью. Рабочий день у нас начинается с восьми тридцати, – он снова обращался ко мне, – а заканчивается в семнадцать тридцать. Иногда приходится работать по субботам. Иногда нужно задержаться, если есть большой объем не исполненных задач. Вопросы есть?

– Да. Можно сегодня пораньше с работы уйти? Нужно жилье подыскать.

Начальник заворотил носом, пошевелил усами незаметно.

– Учитывая тот факт, что это первый рабочий день, я могу отпустить вас на полтора часа раньше, – протянул он. – Если вопросов нет – можете быть свободны.

– Разрешите идти? – машинально спросил я.

– Иди.

На выходе из кабинета меня встретил невысокий резвый мужчина с приятной улыбкой и виноватым лицом.

– Как еще раз твоя фамилия? – бросил напоследок Данил Иванович.

– Домс, товарищ подполковник.

– Ну и фамилия... Чудная.

– Как пиво, – пошутил я.

– Точно. Как пиво, – гоготнул начальник. – Только пиво хреновое.

С этого момента я понял, что начальник у меня превосходный.

Территория оказалась огромной. Мы вместе с Валерием Сергеевичем безудержно бродили около часа. Он говорил быстро, время от времени проглатывал слова, но повествовательная манера, в целом, мне нравилась. Правда, из всего, что он рассказывал на одном дыхании, я улавливал процентов десять, и то, половина из них были собственные слова-паразиты моего экскурсовода. Он был майором, когда служба сделала реверанс и отправила на ранний военный покой заводного человечка. Валерий Сергеевич, придя домой на осознанную пенсию, не знал что с ней делать. Первую неделю он отдыхал, не веря в происходящее. Вторую не знал чем себя занять. На третью он оделся как гражданский и запланировал маленькое возвращение великого человека. Дома можно было умереть от скуки, копаясь в рассadaх. А здесь, в части, он оставил львиную долю жизни, поэтому решил вернуться на работу, чтобы почувствовать себя единым целым. Я как-то читал, что заключенные тоже не очень стремятся на волю, отсидев два-три десятка лет. Сто-

процентное сходство.

– Смотри, значит. – Валерий Сергеевич размахивал руками, пытаясь охватить полгектара земли. – Это городок пограничного контроля. Вот летний класс, пост наблюдения и контрольно-следовая полоса, на которой курсанты изучают трасологию.

– Наука про следы? – уточнил я.

– Правильно.

Ура, Кирилл. Десять баллов гриффиндору.

– К нам, значит, приезжали многие известные люди, и одним из них был коренной индеец, кажется. Он еще ведет передачу на дискавери, может знаешь.

– Нет, знать всех индейцев поголовно у меня нет возможности, – улыбнулся я, после чего добавил: – И желания тоже.

Валерий Сергеевич пропустил мои реплики мимо ушей и побрел дальше.

– Трасология очень помогает узнать физиологические данные человека по отпечатку ног на песке.

– Что, серьезно?

Признаться, меня удивил тот набор информации, которую он выливал на меня потоком. Вроде и военное, но интересное. Парадокс.

– Про пост наблюдения скажу еще пару слов. Возле него строго настрого запрещают курить.

– Почему? Взорваться может?

– Сгореть, – констатировал он. – Причем дотла. Как спич-

ка. Знаешь почему?

– Неа.

Майор запаса снисходительно улыбнулся.

– Значит, в советском союзе как было? Все должно быть аккуратно, чисто и покрашено. И побелено. Новая краска ложилась поверх старой каждый год. Можешь себе представить, как это все летом, почти в сорокаградусную жару, выдержит искру.

– Никак, – сказал я. – Вспыхнет в один момент.

– Вот-вот. Поэтому еще с тех времен огонь возле поста наблюдения сродни... сродни...

– Тяжкому преступлению, – закончил я.

– В точку, значит.

Мы прошли к питомнику, где меня познакомили с пятью видами пород с наиболее выраженной нюхово-поисковой реакцией: бельгийские овчарки, немецкие овчарки, спаниели, лабрадоры и терьеры. Большинство из них были еще щенками, скачущими в вольерах группками по четыре-шесть пушистых комка. Они бодались, кусали друг друга, прыгали на клетку, пытаясь дотянуться гладким языком к ладоням. Социализировались, одним словом.

– Это щенки малинуа, – показал Сергеевич на просторную клетку с худыми, инфантильными щенками. Лишь один из них приподнял голову на наши голоса; я думал, он мне улыбается, но песик лишь зевнул и опустил мордочку на лапы, тесней прижавшись к братьям и сестрам.

– Вялые они что-то, – сказал я, поднимаясь с колен.

– Они просто отдыхают. Пошли дальше.

Следующая клетка тряслась, будто туда поселили особо буйного военного. На самом же деле там устраивали переворот черные как смола лабрадоры, полуторамесячные от силы. Ни один не мог остановиться хотя бы на секунду и разглядеть мир вокруг себя. Им надо было бегать, грызть, облизывать кого-нибудь, переворачиваться на спину, выкручиваться из-под чьих-нибудь лап. Сколько их там находилось, я так и не успел разобрать.

– Восемь, – небрежно бросил Валерий Сергеевич.

– У вас наметанный глаз, – удивился я.

Он улыбнулся.

– У меня хорошая память.

Идти к остальным я вежливо отказался. Валерий Сергеевич не возражал – судя по его выражению лица, он с удовольствием отдал бы меня назад начальнику.

– В принципе, я тебе все показал. За пределами части есть учебные поля, где проводятся занятия с розыскными собаками. Если хочешь, можешь сходить с какой-нибудь группой, посмотреть как все проводится.

– Хорошо. А сейчас что?

Мы уходили с отдела разведения собак через тренировочную площадку, где щенков обучали преодолению различных препятствий, где с ними игрались мячиками и тряпками – баловали, как мне показалось.

– Валерий Сергеевич!

Мы обернулись. В дверях здания отдела стояла женщина лет тридцати. Черный пучок волос, собранный в хвост, и военная форма. Форма, кстати, всем женщинам придавала вид гладильной доски, невзирая на вид внешности. Одним словом, какой красивой бы женщина не была, одевая форму она превращалась в гадкого утенка, в золушку или горбуна из нотрдама – кому какое определение больше подходило.

– Вот так и убивают в женщине женщину, – тихо пробурчал я, чтобы мой экскурсовод не услышал.

– Валерий Сергеевич, может... – женщина показала кулак, выставив большой палец и мизинец в стороны, и дернула рукой вверх ко рту, будто переворачивая что-то.

– Я попозже зайду, – помахал он ей рукой, и женщина исчезла в помещении.

– Они вам выпить предлагали? Посреди рабочего дня?!

Я еще долго вспоминал этот алкоголический жест. Но Валерий Сергеевич лишь похлопал меня по плечу.

– Это они так дурачатся. Чаем меня поят с печеньями. Не переживай.

– А то я подумал... – презрение сменилось спокойствием. Не полностью, к сожалению: осадок от увиденного все-таки остался. Моя б воля – каждый, на чей язык упала б капля спиртного, падал бы замертво там, где стоял. Безжизненным мешком – раз! – и все. И не надо было бы никаких кодирований, молитв и всего остального. Уроки усваиваются один

раз. Если сломался – значит нет смысла повторять дважды. Мой учитель истории однажды сказал классу очень мудрую вещь, которую я осознал лишь семь лет спустя: знание – это не означает держать информацию в голове. Это следовать тому, что ты знаешь. Если курить – плохо, и ты не куришь – значит, ты знаешь, что курить вредно. И так далее. Остальное – попросту собачий лепет; оправдания, которыми пользуются лентяи.

– Что ж, – сказал Валерий Сергеевич после путешествия по части, – ни много ни мало – сорок два гектара. Пока что располагайся в преподавательской. Стол у окна напротив входа. Там сейчас никто не сидит. Если надо будет – тебя позовут. Вопросы есть?

– Пока нет. Спасибо вам.

Валерий Сергеевич протянул руку.

– Тогда бывай здоров. – Он крепко пожал мою ладонь и удалился. Я в свою очередь повернул направо в украшенном кубками зале и нырнул в коридор, напоминающий жалкую пародию подземного перехода.

– Ай, блин!

На выходе оказался слишком низкий потолок. Так я встретил свое рабочее место: со звездами в глазах и болью в затылке.

Кабинет был просторным: шестнадцать столов, размещенных по двое буквой «т», плакаты, обучающие правильной организации проведения занять и выполнению тех или иных

упражнений по поискам наркотических или взрывчатых веществ; сухая, наполовину истощенная юкка. На каждой боковой стене висело по учебной доске для заметок; над той, то была слева у входа, красовалась икона. У военных все просто: в обычном кабинете – икона, у начальника – президент. Каждому свое.

Никого не было. Мне повезло. Я мог спокойно сесть за стол, послушать тишину пару минут и открыть книгу, которую захватил с собой. Пять лет. На целых пять лет этот стол будет ждать меня почти каждый день. Ни холод, ни дождь, ни жара ему будут нипочем, никакой ветер его не сдует. Максимум, что случится – меня заставят перебраться на другое место. Так, для разнообразия. Видно, мой стол служит хорошим стартом для новичков.

Я достал с камуфляжного портфеля второго «Гарри Поттера». Раскрыл на пятой главе и вдруг у начальника в кабинете развеялись магнитные маразматические бури, и он заорал:

– ДОМС!!!

«Ну вот, начитался» – подумал я.

– Домс!

– Да иду я, иду, – огрызнулся. На этот раз спускался и поднимался я переходом в полусогнутом состоянии, дабы не получить полковника раньше времени. «Вот как им тут мозги отшибает – парашетом этим» – пришло вдруг мне в голову.

– Значит так, товарищ Кирилл, – сказал подполковник,

когда я появился на пороге. Он покачивался поступательными движениями вперед-назад, держа руки в карманах: похоже, сейчас меня будут любить и жаловать. — Отправляешься на ГССС, там возле автомобилей занимается старший лейтенант Бевз. Посмотришь, понаблюдаешь... может, научишься чему-нибудь. Вопросы есть?.. — он сказал это с тоном, не терпящим лишних вопросов. Так, наверное, здесь спрашивали все.

— Понял. Разрешите идти?

— Иди.

Развернувшись, я вышел из цикла.

В открытых дверях тепло и приветливо светило солнце. Созревала середина лета, от чего вся зелень становилась яркой и пышной. Я закрыл глаза. Ощутил, как тепло течет по лицу. Полегчало; ненамного, но достаточно, чтобы на секунду забыть про место, где я находился. Однако миг спустя прерывистый гогот охрипшей гиены стащил меня с неба на землю — скорее всего, начальник рассказывал очередной «не бородатый» анекдот.

— Что ж... старший лейтенант Бевз, — разговаривал я сам с собой. — К тебе идет сюрприз.

Глава 2. Cirque du Soleil

— Так... таак... Хорошо... Хорошо-хорошо, пусть идет... Не мешай ему, пусть сам... Куда ты... Не отвлекай... Уйди. Уйди оттуда! Ну! Ну! Она пометила... Бросай! Бросай этот

долбанный апорт!.. Оооох...

– Старший лейтенант Бевз? – уточнил я, не спеша подходя со спины.

Кричащий офицер обернулся и – за что я был ему благодарен – не стал высокомерно разглядывать меня с головы до ног как старший по званию. Мой одnogруппник, имея звание старший солдат, уже ощущал себя верховным громовержцем, поглядывая на обычных солдат как на мавров. Здесь же меня удивило относительное равенство.

– Да.

– Я лейтенант Домс. Меня к вам направил подполковник Орел.

– Да, – кратко ответил он, щелкнув пальцами – к нему подбежал худощавый курсант с рассеянным и несколько запуганным взглядом.

– Н-начинать, товарищ старший лейтенант? – спросил он, пытаясь удержать непослушную овчарку, которая рвалась к машине как заведенная.

Бевз жалобно посмотрел на курсанта: форма была ему велика и висела на дряблой спине похуже, чем на вешалке.

– Ты знаешь, что делать? – вздохнув, произнес Бевз.

Курсант кивнул.

– Точно, Киреев?

– Да, товарищ старший лейтенант.

– Приступай, что ли...

Курсант отошел от нас, остановился в двух метрах перед

старым, пошарпанным временем и клептоманами жигулем; овчарку с горем пополам удалось усадить возле ноги. Ненадолго: суке было плевать на того, кто ее держит, лишь бы броситься на машину.

Я не понимал что творится, пока другой курсант – относительно идентичный типаж – не показался у заднего левого колеса. В руках он держал оранжевый мячик, а лицо корчило обезьяньи гримасы. Курсант прыгал, пыхтел, лупя мячиком по автомобилю, добежал до радиатора – суке в это время полностью сорвало крышу – оставил мячик на радиаторе и, демонстрируя собаке пустые ладони, отошел. Собака уже никак не реагировала на помощника; ее бешеное рвение к мячу едва удерживалось бедным худым парнишкой. Курсант как-то изловчился, закрыл глаза собаке. Помощник забрал с радиатора мяч. Киреев поднес к собачьей морде баночку для сбора анализов, в которой лежали ватные тампоны, приказал понюхать и, убрав руку, крикнул: "Кора, ищи"!

Сука, видно, только и жила ради этих слов. Чуть не сбив с ног дрессировщика, Кора помчала к месту, где только что, ну вот только что лежал мяч, и... замерла. Она не моргала, не шевелилась. Я подумал, что у Кору остановилось сердце из-за подобного лохотрона.

– Киреев... – сквозь зубы прорычал Бевз.

Киреев изрядно вспотел. Подражая своей собаке, он не сдвинулся с места. Вся картина напоминала военную репку: жучка пялится на машинку, хозяин палится на жучку. Пя-

лятся-плятятся – ни хрена не получается.

– Киреев, делай что-нибудь...

– Кора... Корочка.

И тут Бевз не выдержал.

– Какая на хрен корочка?! Хлебная, мать твою, корочка?!

Уводи ее отсюда! Где закладка?! Ты знаешь где закладка?!

– В б-багажнике.

– А она где стоит?!

– У радиатора.

– А ты что должен был сделать?

Курсант думал вечность и секунду. Секунду и вечность.

На его виску, прямо под козырьком зеленого пельменя, вздулась вена. Еще миг и его либо хватит удар, либо он испражнится на месте. Киреев был за первое.

– Направить, товарищ старший лейтенант...

– А ты что делал?!

– Ничего.

– Ничего... ничего... – сдался старший лейтенант Бевз.

Он высморкался в платок, спрятал его в нагрудный карман.

Поднял голову к небу, моля о том, чтобы никто больше не насиловал его мозги. – Уйди... уйди отсюда, я тебя прошу.

– Слушаюсь, товарищ ста...

– Перерыв!

Киреев увел свою овчарку, все еще находящуюся в ступоре. Этот раз она повела себя спокойней, только поглядывала на радиатор, мысленно говоря хозяину: где-то нас развели.

– Есть вопросы? – Бевз повернулся ко мне.

Я заржал как педальная лошадь.

– Такого я еще не видел, извините, – сказал после того, как уже нечем было смеяться. – Что это было вообще?

– Полная бездарность. С этого пса выйдет отличное чуело. Даже убивать не придется – она живой стоять будет, – сказал он.

– А если серьезно? Чем вы занимаетесь?

– Поиск и обнаружение наркотических веществ в автомобиле, – протараторил Бевз. – И, как видишь, результат феноменальный.

По тропинке в нашем направлении брел очередной курсант. В этот раз – полная противоположность предыдущему. Я бы даже сказал не полная, а жирная, толстая противоположность. Как только я его увидел, все сразу стало на свои места и вопрос почему остальные курсанты группы такие худые отпал сам собой.

– Лаки, ко мне.

Голос курсанта был тонким и елейным, словно с небес прямо над частью свалился купидон в камуфляже. Судя по комплекции, падение было неизбежным.

Лаки оказался компактным бело-коричневым джек-рас-селом, вяло плетущимся за своим хозяином.

– Собака тоже недоедает, – буркнул я.

– Что?

– Да нет, ничего.

– Осинов, что я сказал?

Осинов покачнулся, от чего складки жира заворожено колыхнулись в разные стороны. Как море. Как тихий безмятежный океан.

Осинов был само спокойствие.

– Разрешите на перерыв? – мягко спросил он.

– Я же огласил. Хотя... Стой. Сделаем проще. – Бевз поиграл желваками. Его строгие, словно высеченные с камня черты лица смягчились ровно на секунды, пока он доставал с планшетки журнал. Открыл на нужной странице, достал ручку.

– Чтобы не насиловать лишний раз собачий мозг, вы мне расскажете последовательность ваших действий от начала до конца. Тогда – вернее после перерыва – вы начнете поиск. Прошу.

Осинов так и остался стоять нерушимой студенистой скалой. За него, не успокаиваясь, отвечал джек-рассел.

– Осинов...

– Да, товарищ старший лейтенант.

– Вы меня слышали?

– Конечно, товарищ старший лейтенант.

– И?

Осинов мялся, мялся, втаптывал левую берцу в землю, незаметно роя окоп, чтобы спрятаться от всевидящего ока преподавателя. Выплюнул наконец:

– Не помню... Знаете, как пес: все понимаю, а сказать...

– Осинов, кол, – сказал Бевз и начертил две жирных двойки в журнале: собаке и хозяину.

– И что теперь делать? – Осинов вытаращил небесно-голубые глаза. Я представил как за ним спускаются херувимы и, под божественный ангельский хор, утаскивают чистую душу, заточенную в мясистое тело, в райский сад, но с каждым поднятым метром прибывает еще по одному херувиму, ибо становится все тяжелее и тяжелее.

– Можете взять журнал и пугать им вампиров. Свободны.

– Вот с такими и работаем, – заключил Бевз, обращаясь ко мне. – И то, это еще терпимо.

– Вижу, терпения не всегда хватает, – подметил я, разглядывая привязанных по территории собак. – А сколько нужно, чтобы добиться результата?

Бевз ответил молниеносно, безо всяких эмоций:

– Если никакого результата, то месяц лежания на кровати.

– А если хорошего?

– Месяц, при условии, что дрессировщик толковый и пес имеет все задатки для поддержания активного поиска. Иначе – а у нас все иначе – целый месяц и моток нервов выбросишь на ветер.

– Ясно...

Люди подтягивались к учебному месту с курилки. По их сутулой ходьбе, унылых лицах и шаркающих шагах я сообразил, что мотивации заниматься у людей никакой. Интересно, что большинство собак вело себя точно так же: никак.

За следующие два часа я понял три вещи: людей в армию набирают всех без разбора, предпочитая как можно больше хромосом в ДНК. Собаки могут быть настолько безжизненными, что повысь на тон голос и они, меланхолично помахивая хвостом, уйдут в каптерку за лопатой, так как лапами рыть себе могилу дольше. И третья – самая важная вещь: если бы мой самолет залетел в бермудский треугольник, где поговаривают о самых зловещих монстрах, какие только может вообразить себе человеческий мозг, я бы увидел черные раздвижные ворота ЦОСС – Мордор, где батрачат орки, асфальтируя территорию, где слышны истошные вопли «За Короля!», где Глаз Командира выискивает со своей штабной башни пытающихся избежать каторжного труда. Место, куда не сунется ни один нормальный хоббит.

– Знаете, было интересно. Со стороны вроде легко, а когда сам стоишь и стараешься воплотить теорию в практику – начинают вылезать ошибки. Мне это знакомо.

Мы вместе с лейтенантом Бевзом брели, как он выразился, сдавать закладки. Первые сто метров от учебного поля смело можно было назвать минным, так как в забитом сознании соотечественников не было места простой истине: за своей собакой нужно убирать. Наши жили в дерьме и живут по сей день, зачем же убирать подобное?

После соревнования с дерьмом в пятнашки мы вышли на относительно чистую тропу, слева от которой виднелся футбольный стадион, окруженный с нашей стороны сосновой

полосой. Справа же тянулся непролазный бетонный забор с проржавевшей колючей проволокой над ним. Любой пронира, увидев сие ограждение военного объекта, сразу отказывался от глупой затеи и проходил сто метров вправо или влево, где можно было спокойно пролезть как через верх, так и через низ беспрепятственно. Высший уровень защиты, что называется.

– Пожалуй, потом сдамся, – сказал вдруг Бевз и сменил курс. – Нам туда. – Он указал пальцем за стадион, на городок пограничного контроля. – На методику. Пойдешь?

– Пойду, – сказал я. Уже на ты – так проще.

Курсанты расселись в летнем классе, как в школе: группками с общими интересами или дурными привычками. Как только мы подошли со старшим лейтенантом, все – от мала до велика – подскочили как зайчики.

– Присаживайтесь. К экзаменам осталась неделя, поэтому мы пройдем методику еще раз. Сегодня рассмотрим методы дрессировки служебных собак. Сколько их есть?

Я сел за последний длинный стол, достал спрятанный в кармане штанов блокнот с ручкой и начал внимательно слушать. Старался каждое слово отчеканить в мозгу.

Увы, это оказалось не так просто.

– Семь! – выкрикнул низкорослый курсант.

– Прежде, чем что-нибудь сказать, военнослужащий должен поднять руку, встать и представиться, – сурово произнес старший лейтенант.

В мою копилку тут же упало слово "затянутый".

Курсант привстал.

– Солдат Черненький. Семь.

– Чего семь?

– Семь методов дрессировки.

Бевз выдержал паузу, окинул взглядом каждого курсанта. Я мог биться об заклад, что физиономии всех излучали незнающее понимание: когда фиг его знает о чем речь, но если кто-то-то уверенно ляпнул – вполне возможно, что так оно и есть.

– Все согласны с Черненьким?

По классу прокатилась волна невнятного мычания. Сам Черненький начинал чувствовать внутренний дискомфорт: уверенность дала червоточину.

– Хорошо. – Бевз встал из-за стола и начал прохаживаться рядами, проверяя кто что конспектировал в тетради. – Назови их.

– Механический.

– Это какой? – спросил старший лейтенант.

– Ну... когда мы собаку дергаем поводком.

– И все?

– Или бьем...

– Берцотерапия! – выкрикнул сидящий позади Черненького сутулый и чертовски высокий курсант. Даже сидя, ему не доставало несколько сантиметров, чтобы поравняться с Черненьким.

Класс глухо заржал.

– Запомните, берцотерапия – в последнюю очередь. Если собака не признает в вас хозяина и больше никакие другие методы не принесли нужного результата, тогда необходимо показать собаке, что вы доминируете над ней. Но это, опять-таки, крайние меры.

– Товарищ старший лейтенант, а если Лаки не признает меня как хозяина? Вот я его к себе подзываю, а он пока не нагуляется, не подбежит. И немного побаивается, когда подходит, – пропищал Осинов.

Бевз ухмыльнулся, и я увидел, что улыбаться он все-таки умеет.

– Я бы тоже побаивался к вам подходить, если бы вы на меня случайно сели, – сказал он.

Под хохот курсантов, Осинов обиженно воскликнул:

– Я ПОЧТИ сел. Это две большие разницы. И Лаки успел убежать, к тому же.

– И получить моральную травму тоже успел, – гоготнул сосед Осинова.

– Лаки теперь думает, что видел млечный путь, а то была твоя жопа в хлебных крошках!

– Какой млечный путь! Черная дыра, не меньше!

– Осинов, может у тебя там Мэтью Макконахи с «Интерстеллар» летает? Может, пятое измерение на самом деле твоя пятая точка?

Я не мог знать наверняка, что сейчас чувствует тучный

Осинов: обижается ли он, терпеливо глотает насмешки как пилюли, накапливает все и в один день выплеснет непере-варенную злобу на других, или тихонько наматает на шею веревку в заплесневелом кубрике после отбоя, зная, что ни один дневальный не способен просидеть целую ночь начеку.

– Убого мыслите, товарищи, – всего лишь ляпнул Осинов и, переждав пока наржутся и успокоятся остальные, как ни в чем не бывало продолжил: – Контрастный, вкусо-поощри-тельный, игровой, оперантный, наталкивающий.

Бевз удовлетворительно кивнул.

– Как пес, Осинов, да? Ну–ну... Сколько методов вышло?

Прошло секунд десять, прежде чем самый быстрый из курсантов успел пересчитать названные методы.

– Шесть получается, – сказал Киреев, который спрятался на предпоследней парте.

– Повторяю вопрос: шесть или семь методов есть?

– Шесть! – закричало большинство, рады тому, что хоть на какой-то вопрос они ответили правильно.

– Bravo! Молодцы! – Бевз захлопал в ладоши как будто посмотрел шикарный спектакль. – Таких мудрых людей я еще не встречал. Можете смело покупать билеты на поезд и плацкартом – в Тибет, познавать дзен.

Никто не расслышал нотки чистейшего сарказма в голосе преподавателя.

– Ладно, – вздохнул Бевз. – Придется разжевать. Во-вто-рых: вы – идиоты.

– Почему это, товарищ старший лейтенант? – напыжился Черненький. Он так и стоял, потому что дорогой преподаватель учил без разрешения старших не садиться.

– А во-первых? – спросил Киреев.

– Вот! Хоть кто-то меня услышал. А во-первых – методов СЕМЬ, а не шесть. Подражательный!

– Ааааа... – раздался опечаленный незнанием хор военных мыслителей.

– Вот вам и ааааа... Так, Драчин, а ну-ка встань. Чем руки заняты? Опять телефон припрятал?

– Нет, что вы, товарищ старший лейтенант. Я просто...

– Фамильярничаю, – закончил за него Черненький. Теперь и Бевз смеялся, как лошадь. Только неприметная.

– С вами попробуй проводи занятие... – сказал он, угомонив народ двадцатую отжиманиями каждому. – Так, с методами мы разобрались. Самый подходящий метод – контрастный, так как он является совокупностью механического и вкусо-поощрительного. Иными словами, мы ругаем за плохое, и поощряем за хорошее. Все припомнили?

С моего ракурса все затылки синхронно кивнули.

– Товарищ старший лейтенант разрешите вопрос курсант Драчин. А почему подражательный метод плохой?

Бевз сдвинул брови словно петербургские мосты.

– Кто вам такое сказал? Он подходит для щенков, когда они видят действия мамы или старшего пса, который умеет исполнять отдельные элементы. Для других случаев этот ме-

тод нецелесообразный.

– Почему? – не отставал Драчин.

– Потому что если собака будет смотреть, как перед ней дразнят апортиком другую собаку, то вскоре она перегорит от того, что не может заполучить апортик. А нам это не нужно.

– Перерыв, товарищ старшлейнант, – протараторил Киреев.

Бевз взглянул на часы на мобильнике.

– У меня еще две минуты.

– Ну разрешите мы пока покурим быстренько туда–сюда.

– Разрешаю. Через две минуты.

– Ну товааарищ ста...

– Так, хватит. Вы бы лучше рассказали мне суть оперантного метода.

Киреев отмахнулся от назойливой осы, посчитавшей курсанта чрезвычайно сладким, и тут же притих. Две минуты спокойствия неожиданно оказались для него вполне достойным времяпровождением.

Но не тут-то было.

– Вспоминай, Киреев. Кору свою вспоминай. Что такое оперантный метод? – спрашивал Бевз, пока я пополнял лексикон новым словом, записывая его в блокнот.

– Ну там... – Киреев почесал затылок, как годится любому двоечнику, и спросил то, что необходимо спрашивать, если вообще ни черта не знаешь: – Оперантный, да?

– Нет, блин, инструментальный, – сказал Бевз.

– Инструментальный? Ну... Э-э... Товарищ старший лейтенант, мы это учили полтора месяца назад. Я не могу так долго держать информацию в голове.

Бевз ударил себя открытой ладонью по лицу. Шлепок отчаяния, безнадежности. Квинтэссенция всего занятия.

– Андрей, ты смотрел Иронию судьбы? – спросил он мягко, как только можно в моменты нарастающего раздражения.

– Смотрел... а что? – Киреев недоуменно уставился на преподавателя.

– Фразу помнишь, которую сказал Мягков Яковлеву после тщетных объяснений как он там оказался?

Киреев завис, и, судя по напряженно мыслящему лицу, завис надолго.

– Товарищ старший лейтенант, разрешите на перерыв, пока Андрей думает, – предложил Черненький.

– Ну что, вспомнил, Киреев?

Тот даже не мотнул головой.

– Ладно... – Бевз собрал аккуратно вещи в планшетку и стал по стройке смирно. – Огласите перерыв.

– Встать!

Все поднялись, кроме Киреева – он вообще не садился.

– Занятие окончено. Не забудьте вещи. После обеда – самоподготовка.

Бевз быстро покинул городок, не дожидаясь меня. Если что – догонит, наверное подумал он. Я же впихивал непо-

слушный блокнот в тот самый карман. Надо же: как вытащить, так запросто, а как назад засунуть – пыхти и не жалуйся.

Психанув, я спрятал блокнот под китель и направился к циклу. Последним выходили Киреев и Осинов.

– Что ж ты про оперантный протупил? Они и инструментальный метод – одно и то же! Ну ты!.. – поучал Осинов под легкий хруст черного шоколада.

– Да ну его... – плюнул на землю Киреев и злостно схватил тетрадь. – Какая кому разница вообще?! При чем тут Мягков?

– На, съешь кусочек.

Киреев не отказался.

– Ну какой вы тупой, Киреев, – сказал я, обернувшись.

Андрей, прежде чем отвечать, присмотрелся к моей груди, затем проглотил приготовленные слова и деликатно уточнил:

– Почему сразу тупой, товарищ лейтенант?

– Не вы. Фраза. С фильма. Которую Яковлеву говорили.

– Аааааа, – протянул Андрей. – Спасибо, что сказали... что ли.

– Не за что, – ответил я и убрался прочь, пока дальше не стали расспрашивать о чем-либо.

Людьми в первый рабочий день я был сыт по горло.

Глава 3. Регуляторы

Раньше Небольшие Мостки страдали от безделья и безработицы. У среднестатистического мостковчанина имелось только три дорожки: одна – в учебный центр примерять камуфляж, жертвуя мозгами и волей. Другая – отправиться в оздоровительные шахты Краснограда, где обещают незабываемую развлекательную программу: постоянное поддержание физической формы, непредсказуемые приключения тайными туннелями, угольные ингаляции...

Третья же дорожка хранилась у многих в маленьком пакете в кармане – если в жизни станет совсем туго.

И вдруг, одним, как принято представлять, мрачным дождливым вечером в дверь постучало неведомое тело. Лампочка на пороге давным-давно висела как украшение, как ненужный аксессуар и неотъемлемый атрибут деревенского дома. Крупицей света служила выглянувшая на четверть с затянувшихся облаков луна: еще не полная, но острые края уже успели округлиться. Гроыхнуло. Хозяева не спешили открывать, стараясь решить вопрос за закрытой дверью. А еще лучше: проигнорировать стучащего, дожидаться пока он постучит в другой дом и, возвратившись к вечернему телешоу, больше о нем не вспомнить.

Тело потревожило людей еще раз: настойчивей, уверенней. Тело знало, что в доме кто-то есть, кто-то разглядывает его в глазок и ловит сетчаткой полумрак. Отступать некуда – тьма, в которой доводилось прятаться незнакомцу, никак не рассеивалась, не обличала перед хозяевами домов чело-

века, потревожившего их покой. И вот, у четвертого дома ответвленной от главной дороги улочки, незнакомца пожалела молния, озарив густые сметанные тучи ярким светом. Возможно это, а, может, добрая душа старушки, одиноко существовавшей в немного покосившемся одноэтажном доме, решила, что не мешало бы разбавить общением с другими ее затянувшийся день длиною в старость. И открыла.

Стучал приличного вида парень: молодой, симпатичный, промокший до нитки. В камуфляже. Он попросился переночевать. Бабушка не отказала. А на следующий день он пообещал платить ей ежемесячно пока служит, так как жить в казармах ему осточертело. Бабушке нужен был помощник. Парню – жилье. На том они и порешили.

Этот случай стал в каком-то смысле судьбоносным в истории современных Небольших Мостков. Старики и старухи, владельцы полупустых квартир стали зазывать к себе военнослужащих, как хачи на вокзале зазывают на шаурму. Там дешевле, там больше мебели, там хозяева не будут ежедневно проверять не украдены ли припрятанные под ламинатом деньги на черный день. Сплошные акции, улыбки и обещания. Мостки расцвели.

А потом дождь кончился, тучи рассеялись и наступил расцвет в одурманенных легкими деньгами глазах арендодателей. Увиденный хаос, который оставляли после себя военные, послужил многочасовым сплетням между бабушками и промываниям чужих костей. Лавочка прикрылась так же

скоро, как и неожиданно открылась, и теперь, в наше время, Мостки превратились в город-монополист. Найти доступное жилье по доступной цене стало делом нелегким, практически невозможным. В некоторых моментах, может, и попахивает гиперболой, но в общих чертах картина свелась к следующей: идет по Мосткам новоприбывший пограничник, ищет взглядом кто бы мог квартирой, домом или, на худой конец, комнатой подсобить. В окнах с обеих сторон на приезжего зыркают как детские, так и взрослые глаза. Одеревенелые во всех смыслах глаза. Они знают *что* ищет новичок, но предложить боятся, так как горький опыт соседей или даже собственный заставляет смотреть на него как на грабли. А если кто рискнет и согласиться принять – начинается настоящее реалити-шоу, вишенка в котором – концовка. Будут ли устраиваться пьяные гулянки, доноситься вечерние семейные ссоры, утишаться детские крики – об этом узнаете в следующей серии. Как-то так.

Елена Александровна была невысокой темноволосой женщиной с проворными карими глазками и неугасающим заводным механизмом внутри. За полчаса, что моя жена с ней пробыла, Елена Александровна успела рассказать ей полжизни, нависшие тяжким грузом на закаленных, но все равно хрупких плечах. При этом, она не останавливалась ни на секунду, мастерски орудуя советской шваброй.

Когда я вернулся в мотель, вещи были собраны, Рина готовая к отправке на поиски лучшей жизни, а Елена Алексан-

дровна смотрела сквозь меня, бубня неведомые мантры под нос. Рина незаметно от нее махнула рукой, чтобы я не обращал особо внимания.

– Ивановна сама живет кажется... сколько там? Три... Или две... Нет, три комнаты... А, нет... Соседи со свету сведут... А Жанна переводчица? Может, она?.. Нужно позвонить...

– Добрый день! – поздоровался я.

– Слава Иисусу Христу, – ответила Елена и погрузилась обратно в чертоги разума.

– Кхм, Елена Александровна... А когда и куда мы отправляемся? – втиснулась Рина в промежуток между непрекращающимся бубнежом.

Женщина вдруг умолкла, взглянула на нас, будто увидела впервые, и, не проронив ни слова больше, зашагала вдоль улицы в сторону части. Мне эта затея не понравилась.

Рина лишь пожала плечами. Я был немного удивлен столь странным поведением этой женщины, но выбирать не приходилось: раз она пообещала нам помочь и раз она встретила меня столь необычным приветствием – в помощи она не откажет скорей всего. Подобрав портфели, поцеловав жену и откланявшись мотелю, мы поспешили за Еленой Александровной, которая на ходу перекрестилась перед статуей Девы Марии через дорогу.

– Сначала зайдем к нам вещи оставим, чтобы вы не таскались навьюченные. А потом уже будем думать, где вам осе-

дать.

Я скорее подсознательно разобрал что она говорит, потому что успеть за быстрым разговором женщины было довольно сложно. Слух как назло перемешивал ее слова в мутный коктейль.

– Что она тебе рассказала? – спросил я Рину.

Мы не отставали, но и не приближались, чтобы не шушукаться. Рина закатила глаза, демонстрируя этим, что рассказала Елена Александровна о себе явно больше, чем Риныным мозг мог выдержать.

– Лучше я промолчу, – сказала она.

Я понял, что не ошибся.

Спустившись немного вниз главной дорогой, Елена Александровна свернула в малоприметный переулок, где достоинства города кончались ровненькой асфальтированной полоской. Мы последовали за ней. Среди выбоин, тусклых бархатцев, одинокого захолустного вагончика, переделанного под забегаловку с водкой и мороженым, выросла советская пятиэтажка, обросшая кое-где утеплителем и пластиковыми окнами. Во дворе, на старой перекрашенной десятки раз лавочке сидела женщина с коляской – неотъемлемая часть любого дворика любого городка. Она ритмично пошатывала люльку с малышом. Он затихал, хныкал все тише и тише, а потом и вовсе замолчал. Или уснул. Или упал в обморок от бесконечного укачивания.

– Слава Иисусу Христу! – кивнула Елена Александровна

молодой маме.

Та улыбнулась, искренне ответив:

– Слава навеки!

– Скажите, здесь все так здороваются? – поинтересовался я, пока мы поднимались лестницей.

– Большинство. Это ж запад, – просто ответила Елена Александровна.

Ее квартира оказалась на последнем этаже. Трехкомнатная, похожая на нейрон: коридор в центре всего помещения, а от него в разные стороны отростками отходили комнаты, санузел и кухня с примыкающим балконом. Пахло тридцатилетней давностью, настенными коврами, пенсионерами и жареной картошкой, особенно коврами, хоть их я не наблюдал. Сбросив рюкзаки в маленькую комнатку слева, я быстро умылся и вернулся в строй.

– Ну что, на поиски приключений?

– Молчи, – пихнула меня локтем Рина. – Ты же знаешь, как оно у нас бывает.

– На все воля Божья, – заметила Елена Александровна. – Если вы здесь, значит для чего-то это нужно. – Она развернулась в противоположную от выхода сторону.

– А вы куда? – удивился я.

– На голодный желудок никто не пойдет.

Возражений она так и не приняла.

Вышли мы часа через полтора, не меньше. Плетясь неизвестной нам дорогой, она набрала какую-то женщину, мину-

ты три расспрашивала как ее спина и только под конец разговора спохватилась:

– Так скажи, квартиру может сдаешь свою на Купичвольской? Что? Нет?.. Военные?.. Ты что, хорошие молодые люди... да, тоже военный, но не такой, как те были, не переживай... да ладно тебе... точно нет? А кто тогда... ага... ага... А она сейчас дома? А ну выгляни... Есть? Прекрасно, тогда мы к ней. И тебе пусть помогает... Слава навеки!

Оставив позади то ли православный, то ли католический храм, возвышавшийся над двумя супермаркетами – первыми по посещаемости местами – золотистыми куполами, мы подошли к мостику, соединяющему новые Мостки и старые. Хотя, различить новизну мог разве что ювелир, так как невооруженный глаз видел только разруху.

Мимо нас проехала девочка лет десяти на огромном велосипеде, явно родительском. Слишком высокое сиденье не позволяло ей спокойно крутить педали, от чего девочка изгибалась как могла. Неудобно, но быстро. К тому же, на нехилую встряску по мосту она не обратила ни малейшего внимания, в то время как Рина вцепилась в мою руку бульдожьей хваткой. Естественно, плюхнуться в брызжащую «кристальной чистотой» Рату означало закончить день мучительным плаванием, если не превращением в психопата с манией нарциссизма, так как химикатов в реке наверняка для этого хватало. А упади мы вдвоем, и на Хэллоуин – если его здесь праздновали – не довелось бы наряжаться Харли Куинн и

Джокером. Костюмы и так были бы готовы.

– Входим в старые Мостки, – очнулась Елена Александровна.

– А чем они от новых отличаются? – невольно поинтересовалась Рина.

– Обменом валют, – отмахнулась женщина.

Больше о переменах мы не спрашивали.

Пять минут спустя, огибая реку по берегу, наслаждаясь видом купающихся в водорослях детей, гладких животов моржей -рыбалок, развалившихся у пикникового костра, и, на наше удивление, нескольких проплывающих байдарок, в которых люди сражались с соблазном треснуть кого-нибудь из ребятни веслом по голове, мы остановились у длинного, но узкого участка земли. Через тридцать метров он оканчивался старым ухоженным домом, на крыльце которого записывала в память мир незнакомая бабушка. При виде Елены Александровны она расправила подол юбки, привстала, крихтя, и направилась перевальцем к нам, то и дело хватаясь за спину.

– Леночка! Как вы быстро!

– А ты думала!

Они обнялись и держали друг дружку под локти чуть ли не до конца разговора.

– Вот твои голубки? Приехали на службу, да? – говорила старушка, улыбаясь.

– Да, – я почтительно кивнул. – Ищем жилье.

– Ой, ой, понимаю... сейчас это сложно. Многие на грабли становятся, впуская военных. А больше здесь никого нового и не появляется.

– С чего бы это... – тихо буркнула Рина.

– Проведи нас, Ивановна, если свою сдавать не хочешь.

Ивановна покраснела, насколько это виднелось на сморщенном, как апельсиновая кожура, старушечьем лице, передергала все пуговицы на теплой вязаной кофте. Нервничала.

– Почему сразу не хочу?.. – произнесла она. – Просто Миша... сама знаешь...

– Знаю, – твердо сказала Елена Александровна, отпуская наконец-то локоть подружки. – Так что не точи ляды, а проведи нас хозяйством своим. Людям на что-то рассчитывать надо.

– Так разве я вас держу? Проходите, конечно. Шума–крика, а было бы из–за чего! Пусть вам Бог помогает, дети.

– Спасибо. И вам тоже, – сказала Рина.

Пока туда, пока сюда, солнце уже устало висеть постоянно в одном положении, незаметно сползая за горизонт, где его ждала другая половина Земли. И так день за днем, без перерывов и выходных. На сегодня же солнечный лимит Мостков подходил к концу.

– Пришли, – констатировала Елена Александровна у двухэтажного дома с голыми кирпичными стенами. – Здесь живет Жанна-переводчица. Она может помочь, думаю... Жанночка!

– Да-а. Здравствуйте, – ответила стройная женщина, открывшая входную дверь, как только мы подошли к ней.

– Я жена Коли-шахтера – троюродного брата мамы вашего мужа. Вам Ивановна звонила...

– Звонила, – подтвердила Жанна. Говорила она строго выверенными порциями. Как типичный преподаватель. – Входите.

Главное, чем отличалась квартира Елены Александровны от дома Жанны – там не стояли монолиты непонятного назначения, покрытые кубиками коричневого кафеля. В остальном же – как у обычных людей.

Промчалась под ногами пышная девочка. Лет восемь, не больше.

– Здрасьте, – шустро проговорила она и скрылась на кухне.

– Сюда, пожалуйста, – пригласила нас Жанна в комнату слева. – Только разуйтесь сперва.

Впервые в жизни – честно впервые – эти слова стали для меня серьезным испытанием. Можно представить что такое протоптать километров пять в тяжелых армейских берцах, когда солнце щедро обливает ноги потом. И что такое снять легкие слипоны на босую ногу в тесной детской комнатке после этого. Ровно до этого момента я не мог ощутить всю серьезность ситуации, а когда он наступил – отступить было некуда.

Первой назревающую биологическую угрозу учуяла Рина.

Глаза округлились; она задышала реже и ртом. Взглянула на меня косо. Я знал, что это значило. Это был трындец, хотя легко нашлось бы словечко и поточнее.

– Присаживайтесь. Я вас слушаю.

Жанна села напротив нас, сложив руки на коленях.

Я всячески пытался отползти подальше, а еще лучше – выбежать из дому и хорошенько вытереть ноги об траву или хотя бы об рыжего кота, который шастал двором. Плевать, только бы не воняли ноги.

– Мы только вчера приехали, – начала Рина. – Муж будет работать пока в части...

– А кем? – перебила Жанна.

– Преподавателем, – ответил я.

Глаза Жанны оживились. Похоже, ей стало интересно, что перед ней не сидит какой-нибудь очередной лодырь, который повелся на высокую зарплату и частичное обеспечение. Либо убийственный запах добрался и до нее.

– И вам нужно жилье...

– Да, – хором ответили мы.

– Господи, они такие хорошие. Как взгляну на них, молоденькие такие, а уже мотаются по свету. Мне они как свои стали, – тараторила Елена Александровна.

Жанна ее слова проигнорировала. Не в состоянии сидеть спокойно, она вскочила, подошла к окну, отодвинула штору зачем-то. Повернулась.

– У меня был горький опыт с квартирантами, на которых

я сильно обожглась. Мало того, что они оставили срач в доме, так еще и не полностью оплатили коммунальный счет, сбежав без всякого предупреждения. И плитку мне сломали. Поэтому вы должны понимать, почему я так настроена.

– Мы прекрасно понимаем, – сразу взялся я за дело. – Но раз на раз не приходится – все это прекрасно знают. Обещаю, что между нами никаких недоразумений не возникнет, и когда придет время выселяться, ваш дом или квартира будут в том же состоянии, в каком они находились до нас.

– Или лучше – так и быть, я не буду против, – засмеялась Жанна.

– Они еще и вегетарианцы! – заявила ни с того ни с сего Елена Александровна и даже в ладоши хлопнула. Как маленькая.

– Серьезно? – повела бровью Жанна. – Это интересно, я бы сказала. И как долго?

– Я – два года, жена – пять.

– Серьезно? Что ж, думаю, вам доверять можно. Все-таки не во Львове снимать, верно?

– Конечно, – притворно засмеялись мы.

– Я там работаю, кстати. В бюро переводов.

– Оу... – выдавила из себя Рина. Она умела в две буквы вложить больше значения, чем я иногда в двухминутный монолог. Правда, распознать это мог тоже только я.

Жанна расценила Риныны возглас, как восхищение. Мол, куда нам, двум бомзам с центра страны, с такой барышней

ультрасовременной тягаться. Это же в бюро переводов. Переводить. Тексты.

Из нелепой минуты славы нас вытащила Елена Александровна.

– Что ж, когда мы можем посмотреть квартиру?

– Дом, – поправила Жанна таким тоном, будто в квартирах живут одни шахтеры, синюшные военные и заядлые транжиры, не способные заработать себе на лучшую жизнь. А нормальные, высокообразованные люди живут в домах – желательно двухэтажных, а еще лучше трехэтажных, чтобы снисходительно разглядывать с балкончика сельскую шушере и мечтать о Польше. – Вам срочно?

– Нам ночевать толком негде, – сказала Рина.

Я же, спрятав ступни под кровать, молчал в тряпочку: вдруг запах через рот начнет распространяться.

– Они у меня заночуют сегодня. Но посмотреть не помещало бы, – настояла Елена Александровна.

– Если такая спешка, можем и сейчас подъехать.

Мы начали выходить вчетвером с комнаты; я, естественно, замыкал процессию, дабы не оставлять шлейф позади себя и не подвергать остальных неловкой опасности. Быстро обулся, краем глаза увидел, как старшая из дочерей вошла в свою комнату. Уже на выходе услышал ее бедный детский вопль:

– Па–а–ап, у нас в комнате что-то сдохло!

Ржал я всю дорогу.

Мы с женой имели одну общую черту: никогда не понимали людей, которые превозносят до заоблачных высот все, что только имеют. Простыми словами – «понтуются». Нам это напоминало следующую картину: вот, это я. А это мое шикарное тело. А это мои рученьки, о-о-о. А это я шнурки завязал. Са-мо-сто-я-тель-но! Вот! А это я покакал. Как бабочка. Как пони. Как единорог, о! Именно так Жанна и описывала свой дом, лавируя потрепанным Фольксвагеном между кочками и ухабами.

Приехали. Сразу бросились в глаза два дуба, лет по восемьдесят, а то и сто – не меньше. Красивые, высоченные. Прямо две башни Толкиена. Хороший знак.

А дальше был дом. И на хижину Бильбо Бэггинса он, мягко говоря, не тянул. Максимум – на пещерку Голума.

Перед порогом боролась за выживание наполовину ссохшаяся абрикоса. За ней – навес, где сушились колотые дрова, и каноничный летний туалет: разрисованный детьми, весь в паутине, пауках, насмотревшихся на не всегда лысые человеческие задницы, и пыли. Справа от туалета – другие владения, другая земля, другой дом. Все это разделено трухлявым забором. Это тоже много о чем говорило: если забор трухлявый – значит, соседи ладят. Ну или денег на нормальный нет.

Щелкнул замок.

– Входите.

Нас встретила веранда. Довольно просторная. У стены неудачно попытались прикрыть ковром прогрызенную кем-то дыру в паркете.

– Не обращайтесь внимания, – словила наши взгляды Жанна. – Оно вам не мешает.

– Это она о дыре или о том, кто ее сделал? – тихо спросила Рина.

– Вот коридорчик. Прямо – кухня, направо – две комнаты. Потолки, как вы видите, высокие, поэтому обогревать нужно хорошенько. Выгод, о которых все только и спрашивают, нет. За это я сброшу цену, конечно.

– А выгоды – это что? – поинтересовался я, разглядывая незатейливый дизайн: то обои, то покрашено, то опять обои. Балуйся – не хочу.

– Вода, туалет, душ. Все на улице.

– Нет воды?!

– В колодце есть, – объяснила Жанна. – Между прочим, мы здесь прожили восемь лет. Я вырастила двоих детей, так что не жалуюсь.

– А почему воду не подключили? – спросила Рина, забыв о вежливом тоне.

– Потому что мы купили другой дом и вкладывались постоянно в него. А этот оставили как есть.

Наступила пауза. Елена Александровна перебросилась парой слов с Жанной пока мы ушли в крайнюю комнату, где могли хоть немножко побыть наедине, подальше от невы-

носимо быстрой речи и убийственно-гордой манеры себя нести.

– Что скажешь? – я обнял Рину за талию, рассматривая комнату. Неведомая кафельная хрень, как у Жанны дома, также стояла здесь.

– Скажу, что с такими потолками обогреть будет дорого. А так... если перекантоваться несколько месяцев, то пойдет. Хотя... – Рина повернулась ко мне, – может найдем что-нибудь получше, а?

– Я – за. Слишком уж условия спартанские. И она восемь лет здесь выживала. Да еще и детей двоих вырастила. Я то думаю, что это звенит постоянно в ушах?

– А что звенит? – не поняла Рина.

– Ее яйца.

В комнату вошли Мостковские женщины разных поколений.

– Ну, что скажете?

– Близко к части, дом неплохой. Без воды, туалета и душа туговато будет, но, судя по тому, что вы здесь так долго прожили, мы справимся. У нас еще есть несколько вариантов, которые мы рассмотрим. Однако в целом – устраивает. Главное, что недалеко от работы, – сказал я.

Жанна отреагировала спокойно.

– Конечно, смотрите, думайте. Я за месяц беру семьсот гривен, учитывая некоторые неудобства. Плюс коммунальные.

– А дорого коммуналка обходится? – спросила Рина.

Жанна покачала головой.

– Не совсем. Где-то до пятисот.

– Это еще терпимо, – поддержала Елена Александровна.

Жанна жестом проводила нас из дома, выключила везде свет, оставила форточку в веранде открытой – проветрить от благоухания ног, наверное – и закрыла дверь.

– Вас куда подвезти? – предложила она.

– К перекрестку сразу за «Киев-Западом». Оттуда мы сами доберемся. – Елена Александровна одарила Жанну благодарной улыбкой.

– Как хотите.

– Она немного... своеобразная, – сказала Рина, когда мы попрощались с Жанной, помахали вслед Фольксвагену и побрели через Мостковский парк на встречу с другими хозяевами. Зелень в парке росла хаотично или с какой-то непонятной логике закономерностью: доходило до того, что в некоторых местах деревья фактически вырастали перед тобой и преграждали раскидистыми ветвями и так не широкий путь. В центре парка светил бюстом Шевченко. Опять. Его должны были почитать ученики и гонимая вдоль расписанных качелей ребятня. На деле, ему повезло, что постамент был достаточно высоким, иначе не прошло бы и месяца, как Шевченко выглядывал из глубины чей-то комнаты в окно.

Несмотря на август, листья хорошенько разбросало вдоль аллеи, перерезающей парк наискось. Похоже, деревья ощу-

щали безнадежность того места, где им довелось вырасти, и старались как можно быстрее впасть в осенне-зимнюю спячку, в беспробудный летаргический сон, а выйдя из него, молили о профилактической рубке леса.

На выходе с парка нас встретила еще одна достопримечательность города.

– Пойдем через кладбище, – заявила Елена Александровна. – Так быстрее будет.

– А далеко еще? – спросила Рина.

Елена Александровна махнула рукой по дуге.

– Сразу за кладбищем их дом. Недалеко.

– Сразу за кладбищем... – повторил я.

По-другому точно быть не могло. Утром просыпаешься с шикарным видом на перекошенные кресты, памятники с высеченными лицами людей, которых никогда не знал, ухоженные кое-где клумбы. И понимаешь, что лучшей мотивации делать ноги отсюда у тебя никогда не было. Что это не сквозняк шатает наполовину сломанную форточку, а дыхание мертвецов, зовущих к себе.

Хуже только некоторые живые Мостковчани.

Кладбище было большим. Мы пересекли его минут за пять и очутились возле длинного двухэтажного жилого дома с кусочками клумб под каждой квартирой. Обогнув его с правой стороны, Елена Александровна набрала чей-то номер.

Зазвонило почти возле нас.

– О! Так вы уже здесь! – всплеснула руками она, подходя к мужчине и женщине у первого подъезда.

– Добрый вечер, – сказал невысокого роста мужчина, протягивая мне руку. Пожал некрепко и быстро. – Я – Антон. Это моя жена – Галя.

– Кирилл, – кратко ответил я.

– Рина. Очень приятно.

Я долго думал, кого мне напоминает Антон, пока в голове не всплыла одна давным-давно забытая игрушка: разноцветные мешочки с мукой, на которых было нарисовано улыбочное карикатурное лицо с пучком ниток, имитирующих волосы. Игрушка принимала почти любую форму, дело оставалось лишь за фантазией. Вот так и его лицо помяли в ладони как попало и оставили на верхней полке в вечном забвении. Проще говоря, отдавала его физиономия едва уловимой несимметричностью.

С Галей дела обстояли немного иначе: переверните доску для серфинга, чтобы гребень торчал вверх, нарисуйте под ним губы, а сверху глаза брови волосы – Галя готова.

Видно, не зря Бог каждой твари по паре подбирал.

– Вы жилье хотите снять, да? – уточнила Галя, настолько протяжно, что я невольно взглянул на сумрачное небо: вдруг это самолет низко пролетал?

– Хотят. Им жить негде, только приехали на службу. Опрятные ребята, добропорядочные, хорошие. У вас же есть на примете дом, верно? – вмешалась Елена Александровна.

– Так, смотри... Кирилл, да? Смотри, Кирилл. Времени терять не будем... не будем, да?.. У нас два дома: один рядом, другой – дальше немного, буквально чуть-чуть пройти. Но лучше машиной подъехать. А этот, что здесь, пока занят. Но мы не знаем наверняка или не наверняка. Там пока решают этот вопрос. – Антон постоянно оглядывался по сторонам и чесал нос. Казалось, он откинет сторону легкой черной курточки и предложит нам «сорвать крышу» за символическую сумму. Неужели мы выглядели как потенциальные наркоманы?

– Тогда, как вы сказали, не теряем время.

Пятеро человек втиснулось в консервную банку марки «Славута», проехали четыреста метров вдоль улицы опять-таки Тараса Шевченка. Антон припарковался у небольшого дорожного отростка. Дом стоял как раз на углу: примятый, убогий и совершенно неприметный в кустистых зарослях бурьянов.

– Зато здесь скважина тридцать шесть метров глубиной, – сразу отозвалась Галя, как только мы ступили на порог. Рина сразу раскусила оправдывающиеся нотки в томном голосе коренной «западенки». Значит, дом внутри – никакой.

– Прямо в яблочко, – пробормотала Рина, заглядывая в комнаты.

– Что, простите? – не расслышал Антон.

– Да так. Это я о своем.

«А как же» – подумал я. Конечно раскусила.

Мы вышли на улицу.

– А другой дом? Он окончательно занят? – спросила Елена Александровна.

Антон с Галей мельком переглянулись.

– Обещать мы ничего не можем, Кирилл, – начал Антон, сунув руки в карманы. – Сегодня вечером, если они нам не позвонят, мы сами спросим. Но этот дом вам не нравится, так?

Рина вежливо покачала головой.

– Он слишком... старый, – произнесла она, проводя рукой по бурьянам. Те покалывали мягкую ладонь, оставляя на ней тонкий горьковатый запах.

Галя немного скривилась после Риных слов. Чтобы их захолустный дом был старым? Да как мы смеем? Его построил всего лишь прадед, в то время как у некоторых хибарки возводились еще со времен правления Рюриковичей!

– Другой дом – пуст. Там только обогреватель, плита и газовый баллон. Мы можем все оставить вам, если хотите, – щедро предложил Антон. Я ухмыльнулся, представив, как удобно будет спать втроем на полу, подставляя под спину обогреватель и обнимая газовый баллон – желательно открытый, чтобы не переносить эти муки дважды. – Но там я буду делать санузел, проводить воду, так что недели через две-три можно будет жить. Или сейчас живите. Как угодно.

– Какова арендная плата? – Я машинально потянулся к карману, проверяя на месте ли кредитная карточка.

– Этот – тысяча в месяц. Тот, что ближе к нам – восемьсот.
Ну что? – махнул головой Антон.

– В смысле, что? – не понял я.

– Согласны?

– Вот так сразу? Погодите, нам подумать нужно. Не брать же кота в мешке, – сказала Рина. – А участок там больше?

Галя улыбнулась. Это было не очень впечатляюще, будто акула очень долго терпела и наконец-то сходила по-маленькому.

– Там восемь соток, – заявила она, и, поняв, что это нам ничего не говорит, уточнила: – Это больше, чем здесь раз в пятнадцать.

– Нехило...

– Ну, тогда вот вам мой номер. – Антон протянул скомканный листочек. – Наберите завтра после обеда.

– Спасибо, – я пожал напоследок ему руку и мы разошлись: Антон с Галей уехали, а я предложил прогуляться, познакомиться с Мостками поближе.

Спустя полчаса, попивая чай на кухне у Елены Александровны, я понял, что подобные решения лучше не принимать в Мостках. Никогда.

– Сегодня был тяжелый день для всех, – вздохнула Елена Александровна.

– Спасибо вам огромное за вашу помощь. Не знаю даже как вас отблагодарить, – сказала Рина.

– Я вас прошу. Нужно молодым помогать.

– И тогда молодые помогут, – подметил я. – Что ж, спасибо еще раз за помощь и за гостеприимство. Мы спать.

– Душ примете?

Рина не возражала.

– А я, пожалуй, уже в постель. Спокойной ночи.

Вскоре мы лежали вдвоем под чужим одеялом, в чужом доме совершенно чужого нам уголка страны.

Жутко хотелось домой. Жутко.

– Скорей бы тебе отпуск дали, – сказала Рина, сильнее прижимаясь к моей спине.

– Завтра займусь этим вопросом. Постараюсь выбить его как можно раньше. Пусть уже на две недели, только бы не затягивали. Как там Яра, кстати? За весь день почти не вспоминал о ней.

– У них все нормально. Яра у бабушки кушает, как не в себя. Единственное, что тетя мультфильмы ей идиотские показывает, с двадцать пятым кадром. И сколько ее не проси – плевать она хотела. Говорит, что они познавательные.

Я развернулся, поцеловал Рину в лоб.

– Я завтра с бабушкой поговорю, чтоб не пускала малышку к ней. Спокойной ночи, Солнышко.

Лунными осколками озарилась комнатка. Летний воздух приятно защекотал ноздри. Для полного расслабления после крысиных бегов не хватало разве что еле слышных звуков природы или какой-нибудь классики.

– Нам бы так жить, – сонно и удовлетворенно сказал я.

– Не дай Бог, – проговорила Рина. – Спокойной ночи. Спи.

Глава 4. Люди кукурузы

Вторник, среда и четверг отличились лишь несколькими малозначимыми событиями. Во-первых, переехали в Жаннин замок, как выразилась Рина, потому что жилищная коробка со средневековыми условиями домом называться не имела права. Единственными плюсами от аренды были соседи – невероятно добродушные люди, которые поделились с нами дровами – и чистая вода с колодца. Ее можно было пить.

В остальном же все тянуло на троечку с минусом. Однако, подбодряло нас то, что через две недели, со слов Антона, он сделает все необходимое в доме, так что нормальная жизнь не за горами. А выбор наш все-таки пал на их другой дом – пустой. Мы видели его снаружи, возвращаясь с прогулки в понедельник. Земли там было предостаточно для нас, даже слишком, но Рина, довольная как стадо слонов, первым делом представила план озеленения территории и возвращения ее из статуса мертвых нетронутых земель.

Во-вторых, мне предстояло заявить о себе в пятницу на читке приказов, которая проводилась еженедельно без всяких отговорок и переносов. Читка была сродни богослужению в церкви, только в военной обстановке, и вскоре я понял, что они имеют одно большое сходство: и там и там я засыпал, не дотягивая до середины.

В-третьих, после прочтения общего диалога нашей бывшей университетской группы, а вернее тех душераздирающих сообщений, в которых одnogруппники проклинали обманувших нас военную кафедру и хитрожопых представителей трех военных структур, я в какой-то мере вздохнул с облегчением. Многие из них столкнулись с настоящим кошмаром в первые же дни: одному в отпуске отказали, другого уже вычитали за безответственное исполнение обязанностей, с которыми одnogруппник познакомился только в первый день. Еще двое, уехавших в зону АТО, повелись на двойную зарплату, а в итоге зарабатывать стали максимум на двадцать процентов больше. Если мне обещали десять тысяч, то они должны были довольствоваться семнадцатью, но как только перо черкнуло подписью по контракту, сумма резко упала до тринадцати. Просто так. Иными словами, всех нас крепко надули – и тех, кто не хотел подписывать контракт, и тех, кто искренне хотел служить родине. Последних я так же искренне считал неадекватными людьми.

Я постепенно начал привыкать к утреннему ритуалу: проснулся, поставил чайник, сделал бутерброды или полноценный завтрак – в зависимости от настроения – и ждал на часах десяти минут девятого, чтобы одеть "ежедневку" – так Рина называла мою форму. О том, что так еще называют ежедневные прокладки она рассказала позже. В принципе, это забавное сравнение показалось мне вполне логичным: ежедневками я никогда не пользовался, но знаю по себе, что

больше одного раза форму носить не хочется. Она становится противной.

В спокойном темпе я добирался на работу за десять минут. Главное – не найти приключений на свою задницу, иначе сломанный турникет на кпп доводилось пересекать уже после начала рабочего дня. Как это случилось в пятницу.

Я поцеловал спящую Рину, натянул на голову разноцветный контрацептив с пограничной эмблемой, глянул в зеркало. Это реальность. Ты военный человек. Вояка, Кирилл. И все считают, что ты отдашь пять лет своей молодости этому государству. Ты готов к этому? Готов?..

– Нет, – ответил я отражению. И разозлился на себя, потому что ответил неуверенно.

За дверью меня встретил прохладный конец августа. Абрикос во дворе наполовину осыпался. Ее листья по отдающей желтизной траве разбросал ветер: почти всю ночь он никак не мог утомиться. Лето кончалось, не по календарю, а по погоде, и от этого становилось двойственно: вроде и рад, что больше не жарит, как в преддверье ада, но понимание того, что следующие девять месяцев редко когда подарят теплые дни заставляло вцепляться в этот крохотный остаток летнего солнца как жаждущий воды в бутылку минералки.

Приятным бонусом на полпути была опушка хвойного леса. Тропу выстлали иголки мягким душистым ковром. Шлось легко и с удовольствием. Дышалось на полную грудь. В одном из опоясывающих опушку домов выбежало десятков

гусей. Главный расправил на полную крылья и начал возмущенно гулить. Сзади подгуливали, словно намекали, что ты зашел не в тот район, гринго. Попивай сок в своем квартале.

Спустившись по небольшому склону, я очутился у пятиэтажного здания, относившегося к так называемому военному городку. Вполне очевидно: качелей здесь было по минимуму, одна песочница, турник и деревья, между которыми стояли припаркованные ланосы, шевроле и москвичи – элитный набор автомобилей. На большее тутошние офицеры заработать не могли – ни честным путем, ни коррупционным.

Проходя это жизнерадостное место, где я не удивился бы, если увидел играющих гильзами, гранатами и учебным оружием мальчиков и девочек, со стороны вдруг прорезался жалобный писк. Едва слышное, тонкое и ровное, как пульс утопленника. Примерно у трансформаторной будки, за которой хаотично разбросало дряблые самодельные гаражи. Я вилял дорогой, стараясь как можно точнее уловить источник писка. Какая-то бабка стала посматривать за мной с балкона на третьем этаже. Наверняка подумала, что пограничника-пьянчугу в таком возрасте уже белка встретила и теперь он ловит ее зигзагами по городку. Неудивительно, это ж военные.

Между сараем и курятником – именно оттуда доносилось молящее о помощи мяуканье. Кошатник и ветеринар в моей душе обрадовался и испугался одновременно: я нашел источник, но не видел кто мяукает и что случилось. Осветил

телефоном кое-как небольшую щель, прорытую под курятником.

Котенок. Месяца полтора, наверное, но слишком худощавый на свой возраст. Голова непропорционально больше за туловище, весь грязно-серый, с большими зелеными глазами. Его задняя левая лапа была странно вытянута, пальцы прятались в недрах курятника. Обычно, коты вырываются как бешеные, но этот распластался на земле и продолжал издавать теребящее сердце "мяу". На меня он никак не отреагировал, только зрачки сузились от света телефона.

– Не бойся, малыш. Иди сюда.

Котенок поднял усталые глаза.

"Ты что, слепой? Если бы я мог идти, то никто здесь не пищал бы" – мысленно говорил он.

Трогать незнакомых животных, даже если они уставшие на вид, нормальный человек ни за что не решится. Оно и понятно: бешенство не всегда проявляется в агрессивной форме, да и других болячек хватает, чтобы хорошенько подпортить жизнь. А что я? Я человек простой: вижу застрявшего котенка – спасаю. И хрен с тем, что десять минут как я должен сидеть в преподавательской и представлять, как Поттер проигрывает в матче Гриффиндор – Хафлпафф.

Потихоньку, аккуратно, чтобы не спугнуть котенка загребушей ладонью, я дотянулся до холки, провел несколькими пальцами вдоль выступающих позвоночников. Он, слава Богу, не огрызнулся.

– Хороший котик... хороший.

Малыш завел мурчащий мотор. Это было хорошим знаком – можно приступать.

Я протянул руку на максимум, нырнул ладонью под коленку, нащупал лапу. Есть! Застряло чудо когтем в каком-то тряпье, в панике прокрутилось несколько раз и обмотало нитки вокруг коготка. Вроде мелочная проблема, а выбрать-ся ему, похоже, так и не удалось.

Я подергал чуть-чуть, пошевелил растопыренным когтем, поддел его одним пальцем, другим же тянул вниз тряпку. Спустя полминуты я держал мурчащий комок на руках. Размером он был с две моих ладошки, то бишь помещался в них сполна.

– И как ты чудо там оказалось? – спросил я, поглаживая пятнистую серую шерсть. Оглянулся по сторонам, в надежде найти хоть кого-нибудь. Тщетно. Рабочие уже давно пили кофе в части, остальные – нерабочие – высыпались или употребляли, наверное. Бабки на балконе тоже не оказалось. Конечно, я ведь скрылся в гаражных дебрях и спектакль тут же окончился. Освободите стульчик, мадемуазель.

Никого. Совершенно. Что оставалось делать? На работу я взять его не мог, оставлять здесь тоже жалко было: по его неопределенному взгляду, я побоялся, что он снова где-нибудь застрянет. На умного, котенок, к сожалению, не смахивал.

– Что ж, – вздохнул я и с горечью поставил его на землю.

– В следующий раз, малыш.

Пучеглазый проводил меня до конца гаражей, потом в его кошащем сознании щелкнул тумблер, и он принялся яростно вылизывать застрявшую лапу.

Я вышел на ухабистую финишную прямую, помахал незаметно котенку рукой, улыбнулся тому, что день начался с удивительных приключений, о которых захотелось рассказать Рине. Но это попозже – из-за ее проблем со сном ночи выдаются тяжелыми время от времени.

В оба направления мигали вечно-желтым светофоры. То ли чинить его никто не спешил, то ли посчитали что автомобилисты осторожнее будут ездить – кто его знает. Факт оставался фактом: на светофор обеим сторонам было плевать. Пусть хоть мигает, хоть непрерывно светится или пусть даже саундтреки к фильмам исполняет – на скорость светофор никак не влиял, а иногда подстегивал проскочить как можно быстрее.

Я спокойно перешел дорогу и уже приготовил душещипательную историю о спасенном котенке, от которой пузатый прапорщик пустит по складкам скупую слезу и прикажет зайцам немедленно меня пропустить, а чтобы начальство не ругалось – перевести настенные часы на двадцать минут назад, и получится то, что надо. Но, как выяснилось, мы предполагаем – бог располагает.

Турникет горел зеленым, прапорщик одним глазом сны досматривал, зайцы мечтали о капусте на пунктах пропус-

ка. Преодолею я контрольно-пропускной пункт центра обучения служебных собак в лучших традициях стелса, то есть у всех на виду. Оказывается, подобная схема работала на ура, особенно там, где система защиты должна быть на высшем уровне.

И что? Почти девять, а меня еще никто не окружил, не тычет дулом девятимиллиметрового Макарова в грудь, не подбрасывает в руке брусок мыла, приготовленный для моего магнита приключений. Собачий памятник не превратился в живого стража: ему попросту плевать. Как и большинству.

Заходить к старшим преподавателям я не стал, иначе заподозрили бы, что я не пришел на работу вовремя, а врать коллегам без особой нужды было некрасиво. В нашей же преподавательской гулял ветер и монотонно стучала форточка. Так, главное не подавать никаких признаков жизни: военные секут движения как змеи и рудименты их мозга сразу выдадут поймавшемуся бредовую жизненно-важную задачу, которую немедленно нужно исполнить. "Возле цикла двадцать лет никто не переворачивал песок под турниками? Ну-ка быстро взялись за лопаты и вперед к труду и обороне! И как это я раньше не заметил?" – подумает довольный хорошей мыслью прокуренный и прожаренный пустынями Туркменистана звездный офицер и удалится гордо к себе в кабинет – заканчивать в десять утра рабочий день.

Я спрятался в дальнем углу со стороны входа, чтобы заметить меня удалось лишь войдя в преподавательскую.

Взял книгу, уселся поудобнее. Хорошая все-таки работенка – книжки читать за десять тысяч. Однотруппники в это время готовы застрелиться от бесчисленных кип накладных на продовольствие. Дурдом, а не работа.

Текст поначалу шел очень хорошо, но потом, где-то страниц через шестьдесят, слова начали смазываться в сплошную буквенную авадудедавуру. Смысл строк ускользал, страницы темнели. Вдалеке я услышал чей-то крик. Женский, если не ошибаюсь. Улыбнулся еще: в книге Гарри тоже слышал женский отдаленный крик. То была его мать. А этот...

– Дooooмс! Вставай давай!

– Я не спал! – сразу выкрикнул я.

– То есть ты сознательно лужу слюнявую на книгу напустил? Делать нечего? – спросил мутный человек.

Я протер глаза, подтверждая этим чужую правоту. Да и увидеть в нормальном фокусе говорящего тоже не мешало бы.

– А, это ты, Игорь, – вяло сказал я. – Ты что-то хотел?

– Да. Разговор есть. Пошли.

Игорь был тертый военный калач: большой, сбитый и – что немаловажно – веселый. По крайней мере, при виде меня он первым делом улыбался. Пограничная академия пыталась вытеснить с его тела лишний килограмм мозгов, но Игорю чудом удалось выстоять в пятилетней схватке с камуфляжными дебилами. Наоборот: борьба его закалила, а поехав в АТО, он обжег свою глину, и та уже приняла окончательную

форму. Твердым стал Игорь. И ценным опытным работником. Поэтому и фамилию судьба дала ему соответствующую: Алмазный.

Он завел меня за угол цикла, достал пачку "парламента". Закурил и только потом предложил.

– Нет. Хочу дольше пожить, – ответил я.

Игорь выпустил в воздух дым, но сделал это в стороне от меня.

– Спасибо. Так о чем разговор? Тебе чем-то помочь?

– Да, – в лоб сказал Игорь. Стряхнул пепел на асфальт – там сразу же разбрелась тройка копошащихся жуков-солдати́ков. – Нужно, чтобы ты за собакой присмотрел. Больше никому.

– А надолго?

– Пару дней. Я просто в командировку уезжаю. Поможешь, друг?

Я не спешил с ответом. Игорь, наверное, расценил молчание по-своему.

– Ты не переживай – по окончании я рассчитаюсь как положено.

– Да не в этом дело, – сказал я. – Я в отпуск с понедельника как бы должен ехать. Даже не знаю, смогу ли тебе помочь.

– В отпуск, говоришь? – хмыкнул Игорь, затянувшись сильнее обычного. Он немного прищурился, от чего стал похож на Папая – только трубку вместо тлеющей сигареты подставь. – У меня для тебя плохие новости, друг. Ты вряд ли

его сейчас получишь.

– В смысле?

У меня перехватило дыхание. Кулаки самопроизвольно сжались и все, чего захотелось, это броситься на Игоря, выбивая зуб за зубом, после чего поинтересоваться почему отпуск не дадут. А дома зубы мне повыбивает жена. И я не буду против.

– На севере русские с белорусами учения планируют.туда много наших подъезжает – охранять границу. Для показухи стоять, если по правде. Здесь народу почти не останется, так что каждый кадр на счету. Ты, говорят, не академию заканчивал?

Я медленно, словно в тумане, мотнул головой.

– Я ветеринар.

– Угораздило же тебя, ветеринара, сюда попасть. В самую дыру пограничной службы.

– Моим одноклассникам похуже будет, – отморозенно сказал я. – Что, отпуск вообще не дадут? А как мне дочь забрать с Винницы?

Игорь стрельнул фильтром в сторону ямы в асфальте. Попал. Улыбнулся.

– Видал? Семь метров!.. А дочь как хочешь забирай. Им, – Игорь кивнул головой на цикл и центральный штаб, – плевать на твои проблемы. Пускай сама приезжает.

– Ей три года всего...

– Никого не волнует. Запомни, Кирилл: в этой части все,

начиная от некоторых майоров и выше, любят две вещи. Только две! Первая: чтобы им задницу целовали. Желательно постоянно. А вторая: коты.

– Почему коты?

– У них языки шершавые. Так что, приглянешь? Поверь, никакого отпуска минимум до конца сентября ты не получишь. На усиление границы тебя, зеленого, вряд ли заберут, но здесь наряды мотать будешь как миленький. Приготовься к худшему – тогда легче будет переносить весь идиотизм. Вот, возьми. – Игорь вручил мне маленький ключ от маленького замка. Значит, пес не внушающих размеров, если колодка столь хрупкая. – После работы покажу, где он сидит.

Я взял. Пришлось взять. Пришлось поверить ему на слово.

– А когда хоть вернешься? – спросил я вдогонку Игорю.

– Через понедельник, – крикнул он и подошел к лавке возле ряда выкрашенных в сине-желтый турников. Ну да, должен же он поддерживать свою форму. Интересно, сколько раз он подтянется?

Но вместо этого Игорь взял кружку у подошедшего к нему майора с нашего цикла, отхлебнул прилично и вытянул с пачки коллеги сигаретку. М-да, спорт здесь явно считают могилой.

Пятнадцать минут у меня ушло на то, чтобы выяснить от-

ношения в отделе кадров со всеми, вплоть до их начальника. Отпуска всем отменили временно, пока не закончится возня на севере; никого не волновало, что она там еще не началась.

Игорь, к сожалению, оказался прав.

От нечего делать – Поттер со своей магией в голову никак не лез – я решил прогуляться к Бевзу: он как раз проводил занятие возле бывшего клуба, который великодушно выделили под учебное помещение. В нем собаки тренировались искать наркотики, или взрывчатку, или людей – в зависимости от направления обучаемой собаки.

Подходя к плацу, у меня заиграл телефон. Из штанин звучала эпическая музыка, словно я отправлялся на последнюю битву с мраком, со стражами военной части. У них синие вздутые от паленой водки лица, асцитные брюха колышутся от каждого шага, а в прогнивших губах торчит почти докуренная самокрутка. Они только что разрушили спортзал – последнее пристанище здравомыслящих людей. И теперь они жаждут добить остальных.

Пока я доставал телефон, входящий звонок обиженно стал пропущенным.

– Здравия желаю, товарищ лейтенант!

Это Киреев крикнул. Его Кора виляла между тремя рядами клетчатых сумок, детских портфелей, рюкзаков и дорожных сумок, активно принохиваясь к каждой из них. Вдруг, возле черного, потрепанного временем и чьими-то берцами, дипломата Кора начала вилять хвостом как помелом: царап-

нула его чисто для формальности, а потом сразу улеглась перед дипломатом. В этот момент из ниоткуда – а для меня, то с руки Киреева – вылетел оранжевый мячик. Отскочил от асфальта и ускакал по плацу, будто спешащий поднять флаг солдатик. Кора неистово его догоняла, а догнав – вернулась к хозяину, но мяч не отдала.

Бевз стоял неподалеку, наблюдая за этой сценой молча.

– Отпуск, гады, не дают, – пожаловался я с места.

Бевз отреагировал как привычный к подобным заявлениям человек.

– Не удивительно. Надо же людей в узде придержать. Ты занят сегодня после работы?

– А что?

– Знакомая попросила диваны привезти. Один я не справлюсь, к сожалению, а просить кого-нибудь другого... сам знаешь: «А что мне за это будет?», «А когда выставишься, я же помога-а-ал» и так далее. Не хочу весь бред этот слушать.

– Прямо сразу после работы? – спросил я. Половина шестого с недавних пор у меня стала ассоциироваться исключительно со звуком плачущего турникета, который я оставлял позади и пулей возвращался домой. А тут меня тянут в разные стороны двое людей, при чем задаром. Но это другое дело – за такую мелочь просить что-то взамен унижительно. Чай не барин.

– Поедешь поужинаешь и сразу набери. Раньше начнем – раньше закончим.

– Как скажешь. В здании кто-то работает?

Бевз кивнул и развернулся к Кирееву: – Какого лешего ты ей мяч бросил?! За то, что она на тебя, любимого, пялилась?..

Я решил посмотреть, чему научились за три месяца курсанты, как они добились того, чтобы собака понимала *что* от нее требуется. Один хороший человек как-то сказал: «Собака и так знает, как сидеть, стоять и лежать. Есть идиоты-дрессировщики, которые не могут этого ей объяснить». Войдя в помещение, я моментально убедился во фразе.

Картина была следующей: в центре комнаты, возле двухметрового деревянного шкафа пытел как полярный экспресс курсант Осинов, сгорбившись в три погибели над своим милым джек-расселом. Последний, в свою очередь, воротил задом, как только рука хозяина опускалась на круп, отвлекался от шкафа и всячески пытался уменьшить количество пальцев руки хотя бы на два. Позади двух кадров исполнял жаркое фламенко помощник, стараясь оказаться четко за спиной пса, чтобы в нужный момент бросить в шкаф пишалку. Продолжалась эта моральная оргия около минуты – полноценной растянутой минуты – и окончилась... громким фиаско.

– КУДА ТЫ БРОСИЛ АПОРТИК, ДЯТЕЛ!

– КАК Я МОГ ПОПАСТЬ, КОГДА ТЫ ЖОПОЙ ПОЛКЛУБА ЗАКРЫВАЕШЬ?!

– ТЫ ОТВЛЕКАЛ ЛАКИ!

– Я?! НЕ ХРЕН БЫЛО ЕГО УСАЖИВАТЬ! ОН ПРАВИЛЬНО НАШЕЛ! А ЧТО ПОМЕТИЛ НЕ ТАК – ЭТО ТВОИ ПРОБЛЕМЫ!

Пока они горланили как два петуха, Лаки разнервничался и пометил место закладки по-настоящему: огромной, несоответствующей маленьким песьим размерам, кучей. Вздыхнув с облегчением, песик покинул помещение.

– Что, можно уже заходить? – донеслось с улицы и в дверной проем просунулась картофельная голова Черненко.

– НЕТ! – в один голос ответили Осинев и Драчин.

Я не вмешивался в спектакль, ибо он был прекрасен. Конечно, в любой момент ссора могла перерасти в драку, но я был уверен, что криками все и закончится – петухи обычно ограничиваются горлом и гребнем. Но не когтями. Истина: кто в армии был – тот в цирке не смеется. Собственно, цирк создали по мотивам советской армии, иначе как объяснить те ошеломляющие трюки на арене? Все скопировали с проделок убивающих как-то время солдат. Может и неправда, но с намеком...

– Подождите заходить. Там еще убратся должны, – сказал я топчущемуся у входа курсанту с шоколадного цвета лабрадором. Тот провел меня непонимающим взглядом.

Опять звонок. На этот раз играло настойчивей, словно мне разрешили не спеша достать телефон с кармана.

– Да?

– Товарищ Кирилл...

Данила Иванович. Начальник. Орел.

– Слушаю, товарищ подполковник.

Затянулась пауза. Но мне показалось, что начальник растягивает тишину, наслаждаясь той мелкой крупницей власти, что удалось накопить за долгие годы службы. А может он просто туго соображал. Или связь пропала.

– Значит... – вышел он с астрала, – ставлю задачу...

«Задача: у полковника три звезды, а у майора – одна. Станет ли майор подполковником, если заберет с погона полковника одну звезду, когда станет свидетелем взятки в размере пять тысяч долларов?» – подумал я.

– Подготовиться к своему выступлению на читке. До обеда мне доложить, как и что будешь рассказывать. И...

– Да?

– И...

«Ей–Богу, он сейчас бегаёт по кабинету с самодельным самолетиком в руке, имитируя звук двигателя мне в трубку».

– Пока все... Стоп. Не все. Ты где?

– Возле клуба с группой старшего лейтенанта Бевза, – отчеканил я.

Можно было добавить, что я как раз наблюдаю за жалкими попытками двух курсантов словить перенервничавшего джек-рассела, у которого после криков хозяина – а вскоре и его исчезновения – случился когнитивный диссонанс, потому что пес, порывая, метался от дерева к дереву в поисках любимой кормящей руки, при чем хозяину Лаки явно

льстил, так как забегал исключительно за тоненькие березки.

– Хм... А Бевз где?

Захотелось ответить по-военному, срифмовать так, чтобы в эту же пятницу меня отправляли в увольнение всей частью с положенными почестями.

– В... возле плаца. Занимается.

– Ясно.

«Звонок завершен» – высветил экран дешевенького «самсунга», за который пришлось вывалить продавцу шесть сотен. Любимая, но поломанная «нокиа» превратилась в обычный гаджет для чтения и мультимедиа.

Погода прояснилась. За последних три дня тучи орудовали городом всецело: то дождь, то огрызок солнца, то ливень, то пустозвонный гром – так, ребятью попугать. Сегодня же стояла идеальная погода, без всяких намеков на надвигающиеся циклоны со всевозможных сторон. Дополняла идиллию каламбурная курсантская возня, от которой хоть на йоту, но таяло сердце.

Жена пока не звонила, и я надеялся на то, что скажу ей об отпуске на обеде лично. По телефону такое не сообщают.

Видно, она почувствовала что-то неладное, потому что в следующую секунду телефон заиграл всеми красками полифонии и экран высветил маленьким шрифтом: "Любимая".

– Не занят?

– Сейчас... Подожди секунду. – Я прошмыгнул незаметно мимо Бевза (чтобы не прослыть постоянно болтающим

по телефону работником), поднялся чуть выше по склону и спрятался за непроглядной стороной столовой. Там же в заборе красовалась зияющая метровая дыра, за которой ощущаешь совершенно другой воздух: свободы и возможностей.

– Вот, теперь могу говорить. Как у тебя дела?

– Ты решил с отпуском?

Вот так сразу. Я был к этому не готов, думал, что смогу завести разговор в нужное русло и деликатно миновать тот островок, именуемый "отпуском". Однако случилось, как всегда, по-другому, будто показывали мне, что нечего планировать наперед – правда выплывает как можно скорее.

– Алло...

– Да-да, я здесь, – отозвался я. Глубоко вздохнул, чтобы слышно было, и приготовился: ща будит мясо. – На севере намечаются учения русских с белорусами, поэтому отпуска всем перенесли. Остались даже те, кто должен был уходить с понедельника.

– Что значит перенесли? Так тебе дали отпуск или нет? Нам до конца контракта без отпуска сидеть?!

Завелась. Как я и предполагал.

– Рин, послушай. Никому не дают. Вообще. Я выпрашивал, ссорился с отделом кадров, а они только руками разводят. Мол, командир дал команду. Что я могу сделать?

– Вот именно. Ты ничего не можешь.

Бросила трубку. Вот, собственно, и все. Первую волну я отбил. При благополучном раскладе и правильных действи-

ях с моей стороны, их останется только две. Все уже проведено.

Пока я возвращался на цикл, то никак не мог выбросить из головы одну мысль: правильно ли я поступаю, относясь ко всему почти с безразличным спокойствием? Смирение это или же трусливая покорность? Жена на моем месте вырвала бы усы начальнику и наверняка заставила бы съесть ту часть закона Украины, где говорится о предоставлении отпуска военнообязанным. Я бы на это посмотрел... Но смог бы повторить ее подвиг? Вряд ли. Весы – не козерог. Я спокойный, как плод любви удава и ленивца. Жена – гепард, ягуар и пума. Убойное сочетание.

А может до задницы гороскопы и стоит наконец-то признаться, что я очередная безвольная жертва системы.

– Домс!

Я еще не развернулся, но уже почувствовал, что говорит как минимум заместитель командира. Голос грубый, немного свистящий и тяжелый. Как кувалда.

Почти угадал. Замкомандира. Правая рука. Или левая – зависит от предпочтения высшего начальства.

– Здравия желаю, товарищ... полковник.

Если ты не военный и тебя угораздило попасть в их болото, первое знакомство всегда начинается с заминки, так как разглядеть звание на тусклых погонах редко когда удастся сразу.

Это был статный мужчина, вытесанный из камня без лиш-

них штрихов, грубо, на скорую руку. Он тоже был усатый, но усы ему шли. Глаза усталые, кожа на лице шарпейная, с легкими красными прожилками на щеках. "Они все такие" – подумал я. "Начиная с двухзвездочных". Наверное, он был единственным, на ком форма сидела как литая, будто полковник родился не в рубашке, а в кителе, и как минимум старшиной. И в берете.

– Вы... сегодня должны... на читке наказов... представиться, – сказал он. Дышал полковник грузно и тяжело, как далекий родственник Дарта Вейдера. Неужто бежал за мной всю дорогу?

– Готовы?

Помедлив немного, я кивнул. Уже на пятый день ношения пограничной шкуры я понял, что здесь любят, когда все исполнено, даже если ничего не начато и не будет начато вообще. Офицеры как женщины: больше любят ушами.

– Хорошо. Свободны.

Полковник похлопал меня по плечу – рука у него была крепкой как девяностошестипроцентный спирт – поправил зеленый пельмень и вальяжно направился к штабу, где его встретила молоденькая дежурная. Он улыбнулся ей зубами цвета сигаретных последствий. Она в ответ приложила правую ладонь к виску. Полковник дыхнул отсроченной смертью и поднялся на второй этаж в кабинет. Ступеньки под ним явно прогибались, хоть были каменные.

– Дойду я до цикла без приключений или нет? – пробур-

чал я.

Повезло. Добрался-таки.

Данила Иванович про мою задачу благополучно забыл. Правда, я подозревал, что он забил на нее, как и на меня. В цикле меня считали забавной зверушкой, над которой можно время от времени потешиться, и у которой, со слов моего начальника, не хватало военной изюминки. В принципе, он был прав: мой мозг был явно больше.

До обеда никто меня не потревожил и я наконец-то в третий раз смог узнать, что Сириус Блэк – крестный отец Гарри Поттера. Дальше будет интересней.

Глава 5. Барашек Шон

Сразу после обеда весь цикл загнали на второй этаж в большой класс с проектором и пятью кожаными креслами, стоявшими за длинным прямоугольным столом в конце. Нет, кресла не стояли спинкой к людям и не разворачивались на понравившийся голос из зала. В нем не сидели члены жури развлекательного шоу, по крайней мере не жури. Одно кресло – центральное – для папки-командира, остальные – для его апостолов. Эдакая "тайная читка", если бы Микеланджело в наше время топтал берцами плац .

Возле стола – тумба для выступлений. Там, как на утреннике, взрослые читали с листочка кто должен заступать в наряды на выходные и что хорошего и плохого случилось за неделю. В основном случалось плохое.

– Садись, скоро начнется. – Бевз похлопал по сиденью, сам же уселся в пятом ряду у стены. Я еще с университета запомнил, что если долго просидеть прислонившись к стенке, можно стать незаметным для преподавателей.

– На что похожа читка? – спросил я, кладя пельмень на парту.

– На шоу умственно-отсталых. Не хватает только двух ведущих карликов. – Бевз был серьезен, как кресло командира. Взглянув на мой берет, он нахмурился.

– Убери.

– В смысле?

– Со стола убери. Не принято головной убор на стол класть – голова будет болеть.

– Глупые у вас тут предрассудки, – сказал я, но берет спрятал. Не из-за суеверности, просто чтобы не трогали дурацкими просьбами.

– И телефон на беззвучный поставь.

– Хорошо.

Я выставил телефон на парту, сбавил звук оповещений до минимума, оставив вибрацию. И кто бы мог подумать: эта дребезжащая коробочка тут же дала о себе знать.

В классе еще шумели – значит, среди гомона можно затеряться ненадолго в разговоре.

– Солнышко, у меня сейчас читка начнется. С минуты на минуту. Я перезвоню, когда выйду отсюда, хорошо?

– Да, конечно. Целую тебя, – спокойно ответила Рина и

выключилась.

Так же спокойно она вела себя на обеде: приготовила превосходный овощной суп, не набросилась с порога, проклиная меня за то, что я не добился отпуска. За столом она взяла меня за руку и сказала, что все понимает и что она немного погорячилась тогда, по телефону. А еще не возражала, когда я заикнулся об Игоре и Саше Бевзе, наоборот, настояла на том, что отказывать нельзя, так как никогда не знаешь, кто поможет тебе. Я, честно говоря, был поражен, но не подавал виду, не хотел затрагивать те болящие струны, на которых играла военная шушера. Уходя с обеда, она поцеловала меня, поправила воротник кителя, погладила по берету (наверное так делают все жены пограничников – отсюда и прилизанный пельмень) и сообщила, что посмотрит билеты на сегодняшний вечер или на завтра на утро. Хотя бы на два дня уедем с этого унылого куска Украины, о котором еще в пятнадцатом веке писали: шестьсот овец, две корчмы и сплошные войлохи. А четыреста польских рыцарей, шагающих через Мостки в гости к туркам, охарактеризовали поселок изящнее, чем это сделал бы самый лучший современный комик: пустое место, где не видно ни одного живого человека. Наверное, в лесах прячутся. Да еще и река эта – Рата. Изменилось с тех пор мало что.

– Встать!

Я подорвался вместе со всеми, будто кто-то крикнул: "Аллах акбар!". Разворачиваться к входящему в класс началь-

нику запрещалось. Эдакая лотерея: стоишь и гадаешь, кому сейчас поклоняются простолюдины, а звук каблуков отбивается в полу и твоей голове. Кто на этот раз?..

– Прошу садиться.

Тот самый грубый голос со свистящими нотками. Зам командира.

"Может Рина с кем-то познакомилась, раз восприняла все без истерики? Я бы взбесился на ее месте" – размышлял я, пока начальник не раз подстреленной задницей брал штурмом кресло.

Сели.

Тут оно и началось. Детский сад. Утренник.

– Товарищ полковник, разрешите...

– Товарищ полковник...

– Това...

– Тишина!

Полковник стукнул по столу открытой ладонью. Ему бы щепотку силы халка и людей отбросило бы волной. Да и самого халка тоже. А если бы идохнул еще...

– По одному. – Он откинулся на спинку, закрыл глаза, пробуя комфорт на вкус. Скривился. Но не от комфорта – понимали все. От похмелья. – Лукавый. Ты первый.

Худой и немного сгорбленный кверху – прямо как коса Старухи – подполковник встал с места, втиснулся тощими формами в проем между спинками и партой, подошел к тумбе. Мне он показался замученным ребенком, которому вы-

дали форму, берцы и лишних сорок лет, и этот ребенок хочет заплакать на всю глотку от подобной несправедливости, но не может – вокруг много взрослых. Будут смеяться.

– Приказ начальника центра обучения служебных собак номер двести двадцать один. Приказываю назначить следующих военнослужащих в суточный наряд на субботу и воскресенье соответственно. Дежурный по части: майор Кричалов, старший лейтенант Алмазный.

– Я! – ответил каждый из них, привстав.

– Помощник дежурного по части: старший лейтенант Бевз, лейтенант Домс.

– Я! – повторил за Игорем Бевз.

Я так и остался сидеть с перекошенным ртом. Будь здесь медик, сразу заподозрил бы инсульт.

– Лейтенант Домс! – лицо Лукавого напялило борзую маску. – Вам особое приглашение?

Я встал как в тумане. Не помню, крикнул ли "я", как это сделали до меня, но подполковник отстал и продолжил зачитывать список.

– Какого хрена...

– А ты как хотел, – прошептал Саша. – Меня специально поставили с субботы на воскресенье, чтобы я тебя просветлял. Не переживай, там не сложно.

– Мне плевать, сложно или нет. Какого хрена они меня влепили на выходные. Я только на службу приехал, а они...

Бевз хмыкнул.

– А ты как хотел? Раз служишь, так служи. Надо было учиться, раз не нравится. Терпи, Кирилл. К тому же, – Саша притих на немного, потому что полковник стал приглядываться в нашу сторону, – все не так плохо. Ты получишь выходной за наряд, плюс меньше движняка в воскресенье. А в понедельник с девяти до часа будешь дрыхнуть как миленький.

– Мне всю ночь не спать? – спросил я, спрятавшись за спиной какой-то женщины спереди.

– Можешь не спать, конечно. Но наутро тебя снимут с наряда и в пять вечера ты опять заступишь. Так что не советую.

Зачесался затылок, словно кто-то сверлил его взглядом с самого начала читки. Кому там мои мозги интересны?

Обернулся. Несколько военных выпучились на меня: кто с интересом, кто с ухмылкой, мол, какой ты военный, весь в пушке и мамином молозиве. Иди домой досасывай.

Кто-то явно сверлил. Да еще и дурное предчувствие червем точило грудь как яблоко.

– Домс!

Опять я. Чуть что, сразу Домс. Нашли козла отпущения.

– Да, – обернулся я к столу. Теперь не поймешь, кто пялился, ибо стали пялиться все.

– Все интересное здесь, лейтенант, – прохрипел полковник.

"Я уже понял".

– Выходите.

– Слушаюсь.

Лукавый тоже смотрел, как я выходил с ряда, как шагал, нервничая, к главному столу. Он лыбился жалкой ухмылочкой, обозначавшей лишь одно: есть кто-то слабее его, над кем он имеет призрачную власть, кем он может командовать или кому – с громаднейшим, вплоть до оргазма, удовольствием – можно вклеить наряд на выходные.

– Кхм... – я прочистил горло, а в голове сразу мелькнуло: раз-раз, проверка микрофона. Ощущение те же, что и перед выступлением: кулиса прячет тебя от зрителя, но лишь иллюзорно, ведь все знают, что сейчас ты выбежишь на сцену в украинском костюме и начнешь плясать гопак. Нервы каждый раз дают о себе знать. Легкая безусловная дрожь покрывает тело, но убежать не хочется, а поскорей сделать шаг вперед, выскользнуть из-под кулисы. Раскрыться и, наконец, успокоиться, отдавшись музыке, танцу и взрывному адреналину. Здесь же, в битком набитом классе, стоит только раскрыть рот и...

– Меня зовут Домс Кирилл. Кто-то меня уже знает, но это неважно.

Народ оживился. Видно, моя речь немного отличалась от общепринятой.

– Мне двадцать четыре года. Жил в Виннице, учился в столице на ветеринара, но, судя по всему, жизнь дала трещину, раз уж я оказался здесь.

Зал робко захохотал. Я чуть-чуть расслабился в свой пер-

вый в жизни стенд-ап. Похмельный ведущий позади меня не объявил окончание минуты – можно продолжать.

– Женат. Есть дочь, ей три года. Что еще? Вегетарианцы...

Я специально сказал это, чтобы прочитать в глазах большинства вопрос: "Сектант, что ли"?

– ...уже два года. Если кому интересно, дочь вегетарианка с рождения. Жена – пять лет. Как видите, пока от анемии не умерли. Надеюсь, что не умрем.

– Домс. Не носи ерунды. Заканчивай, – махнул рукой полковник.

Я кивнул.

– В администрации меня назначили сюда на должность преподавателя кинологических дисциплин, хоть по кинологии я могу сказать только одно: это наука о собаках.

Люди, не стесняясь, засмеялись. Вот оно, то что я говорил: тешатся со зверька. Ну что ж, тогда ловите последнюю вишенку, раз уже мне ни отпуска, ни выходных:

– Если все будет хорошо, в скором времени постараюсь уволиться.

Вдруг выключили звук. Военные застыли, будто время остановилось и с подобным удивлением уставилось на меня.

О, да-а, я никогда не забуду стереотипные печати на их лицах. "А квартиры дождаться? А льготы? Тебя же одевают, обувают! А зарплата! Где ты еще восемь тысяч возьмешь? Или сколько ты там зарабатываешь... Погоди, а пенсия?! Это ж пенсия! В сорок лет уже сможешь заниматься чем угодно!"

Ну в сорок пять пускай, но это же стаж... Совсем дурак..."

— С центра? — нахмурено уточнил полковник, и тут я развернулся к нему.

— Со службы. Не хочу служить.

Я хотел добавить, что мне здесь не место, но побоялся. умному можно не кланяться, но глупому кланяться дважды. На всякий случай.

— Присаживайся, Кирилл.

Я не успел сделать шаг, как запели вторые петухи:

— Встать!

Вошел он. Нет, не так. ОНО, но не Стивена Кинга. Глава всех глав, ум всех умов, живот над животами. Мостковский Джабба Хат, подтянувший ремнями выпирающие складки. Он брёл перевальцем неспешно, властно. Сразу вспомнился стишок: мишка косолапый по лесу идет... Только мишки красивее, как по мне. И коренастее.

Мы столкнулись лоб в лоб. Он смотрел на меня как на мушку, севшую ему на нос. Я в свою очередь видел в нем реинкарнацию персидского царя, прослывшим ленивым и жестоким в часы своего недолгого правления. Странно, что его не заносили в класс на носилках четверо солдат, а кто-то из старших офицеров подавал бы ему виноград прямо ко рту, в то время как царь разбивал орехи о пустую голову офицера с другой стороны. О голову Лукавого, скорей всего. Нет, тот лучше подошел бы на роль ступеньки, когда царя начнут опускать.

– Кто это? – спросил он. Не у меня, естественно, – у правой руки.

– Домс, садись быстрее, – велел полковник и я быстро нырнул в свой ряд, понимая, что командиру я запомнюсь. Как и всей части.

Оказалось, он вошел не один. За ним змейкой плелись еще двое: низкий и коренастый, с лицом, будто на него налепили пожеванную ксерокопию Папанова; и высокий расхлябанный, напоминающий брата-близнеца Саакашвили. Схожесть подчеркивали бульдожьи щеки.

Папанов провел меня пристальным изучающим взглядом. Колючим и неприятным.

Меня невольно бросило в дрожь.

– Уважаемые прапорщики, офицеры, – начал Джабба Хат, не удосужившись упомянуть о сержантском составе. – За эту неделю мы справились со всеми запланированными заданиями. Спасибо всем, кто активно участвовал в работе. На следующей неделе мы принимаем экзамены у отдела переподготовки и, если всем удастся сдать их хотя бы на пороговый уровень, мы выпустим сто человек, которые продолжают службу по своим подразделениям.

Командир поелозил кресло, словно ощутил крохотную хлебную крошку. «О, этот кайф, когда тебя ненавидят, но слушаются» – говорил он всем видом. Заместители, в свою очередь, буравили кого попало, выискивая тех, кого можно поднять и поставить на место. Идеальная картинка, прекрас-

но вписавшаяся бы в "Скотный двор" Оруэлла, в том месте, где главаря-свинью окружают гончие, которых он прикормил.

– Так же намечается поднятие резерва второй очереди в связи с совместными боевыми учениями белорусов и страны-агрессора. Наши враги...

После этих слов он стал говорить все медленнее, все тише и неразборчивей. Вскоре и вовсе затих – класс заполонила умиротворенная тишина. И свет выключили почему-то. Полностью. А на дворе-то как раз середина дня. Это чья-то шутка?..

– Кто спит встать! – раздалось на весь класс. Старая военная уловка, на которую меня ловили еще в университете. И каждый раз, мать его, срабатывало.

Подсознание и рефлексы сыграли со мной злую шутку. Лишь стоя и пошатываясь, словно выстрелившая пружина, я понимал, как неуклюже попался. На глазах у кого только можно.

– Кто это? – пустил фразу по людям командир, но ответить осмелился только один из апостолов.

– Лейтенант Домс. Новоприбывший преподаватель кинологических дисциплин.

– Да? – едва повел бровью командир, не удосуживаясь тратить на меня лишнюю энергию. – С какого загона?

«Из загона в стадо» – так и тянуло меня сказать. Слова чуть не сорвались с языка, но командир быстро устал от ти-

шины и очень вовремя открыл свой рот:

– Вы ознакомились со своими должностными обязанностями, – командир прищурился (ну прямо в точку с Джабба Хатом), – лейтенант?

«Должностными обязанностями?» – я начал перебирать в памяти, где мог о них слышать или видеть; какие-то бумажки мне всучили в первый день, на которых нужно ставить много подписей. Не мне, кажется. И... да, еще несколько листиков с кучей текста. Голова промытая тем льющимся с начальничьих пастей бредом и набухшая от недостатка кислорода отказывается работать адекватно. Что-то проклевывается, что-то смутное и почти неуловимое. Должностные обязанности...

Вспомнил. Их чертовски много.

– В процессе.

– Тогда расскажите парочку, – говорит командир и складывает пухлые ручки на упитанном пузике. – Мы с удовольствием послушаем.

Как в один момент все может измениться: вот я смешу людей, выступая чуть ли не с трибуны, а спустя каких-то пару незначительных минут люди пожирают меня взглядом как добычу. Стародавние арены с тиграми и гладиаторами заменили безвкусными аудиториями, но гнилая суть человека, жаждущая крови и зрелищ, искорениться не смогла. Да и когда это человек пытался ее укротить?

– Э-э-м... я не помню, – честно признался я. Прояснилось

наконец в голове. Правда, поздновато.

– Не помните, – командир наслаждался моим ответом.

– Товарищ полковник, он заступает помощником дежурного в воскресенье. Ночью ему будет чем заняться.

Лукавый. Подонок, променявший четвертый десяток и до сих пор добирающийся на работу на своих двух. Сидит лыбится как чеширский кот: он ведь смог это сделать, смог нагнуть меня перед аудиторией. Не зря же на погонах вышиты две жирные звезды, не зря он едва не проглотил звезды, за талкивая в глотку стакан водки, званиеобмывая. Нет, не зря. Ради этого момента стоило жить и отдать лучшие годы. Да и от командира признание получить не лишнее. Может, благодарность или грамоту. Эх...

– Воскресенье? Кто его назначил на воскресенье? Вы, Сергей Владимирович?

Тон у командира был явно не одобрительный, от чего моя ненависть к подполковнику сменилась внутренней ухмылкой. Выкусил, офицер?

– Я, – сглотнув, ответил Лукавый и сразу принялся оправдываться: – Товарищ полковник, больше некому в связи с тем, что все наряды расписаны и некоторым доводилось заступать вдвое больше.

– И что? Вдвое не втрое. Расслабились тут, – отозвался со стороны насупленный Папанов.

Я посмотрел на Папанова: впервые за неделю с уст военного слетает дельная мысль. Нечего мной дыры чужие закры-

вать.

– Пусть стоит, – помедлив, сказал командир, делая разрешающий жест рукой. – Посмотрим, как он справится со своей задачей.

На этом, судя по стертым эмоциям на физиономии главного кинолога части, наш тет-а-тет был окончен. Можно было садиться, однако Саша заметил мои порывы и ущипнул за ногу. Сперва нужно спросить разрешения прежде, чем сядешь.

– К нам прибывает начальник кинологической службы – полковник Балин. Также намечается прибытие офицеров со всех региональных управлений в качестве проверяющих... лейтенант, вам нормально стоится?

– Так точно, – отвечаю я нарочно, потому что он специально добивается моей просьбы. Не удивительно: он – командир, я – всего лишь винтик в царстве его величества. Не дождется.

– Ну тогда стойте, – хмыкнул он и продолжил. – Начальникам подразделений довести до личного состава необходимые задачи и по максимуму их исполнить. Самых активных ждут поощрения, за счет премий штрафников, конечно.

Командир остановил свой Шекспировский монолог, стиснул зубы – думаю, мало кто это заметил – и вскинул подбородок.

– Вы еще долго будете стоять, Домс?

– Вы не давали разрешения сесть.

Можешь не сомневаться, взрослый. Я не прогнусь и не со-

бираюсь делать этого перед всеми вами. Благодетель, блин, нашелся.

– Не давал разрешения... Юрий Степанович, проследите, чтобы наряд у лейтенанта прошел как следует.

Липкая ухмылка Лукавого тут же сползла с лица, оставив неприятный скользкий след.

– Товарищ полковник, я ведь был ответственным вчера... разрешите...

– Разрешаю, – великодушно ответил командир, – принять на себя обязанности ответственного еще раз. – Губы Джабба Хата стиснулись в одну тонкую линию, глаза выпучились, от чего он походил на страдающую запорами лошадь. Спину рвануло вверх и назад – к спинке. К правильной позе на троне. – Вопросы?

Лукавый по-детски поник головой и промямлил, что вопросов нет. Кто знает, что он себе запланировал на выходные. Сейчас их благополучно запихнули ему в глотку и отправили пинком под зад куда подальше. Хотел гадость сделать, товарищ – получай свою. Доставка бесплатная.

– Хорошо. Если вопросов нет – продолжим...

Он тараторил еще сорок минут, за которые большинство успело хорошенько вздремнуть, пройти уровень "злых птиц" или записать личные планы работы за август, как это делал Саша. Чего-чего, а ответственности ему было не занимать. Я, как преподаватель, мог занимать лишь бумагу на всякие копии, не более.

Закончилось представление не оглашённым облегченным вздохом присутствующих, подниманием задов для переполненного гордостью и честью за себя любимого командира и небрежно брошенной фразой "Вольно! По рабочим местам!". За ним все той же змейкой, пожирая офицеров и удлиняясь, как в одноименной игре, плелись заместители.

– Цирк окончен, – огласил Саша, доставая берет из-под стола. Блокнот с личными планами работ – под мышкой; ручка – в карман на предплечье. Готов к исполнению обязанностей. – Пойдем к псам?

– Не сейчас. Я должен побыть один.

Толпа выплюнула меня на улицу, стала разбредаться кто куда. Обсуждали свое, смеялись, бубнили под нос; хриповатый обиженный голос матерился про себя, вставив между словами мою фамилию. Я не оборачивался: и так было ясно, что это Лукавый. Злоба, которую я испытывал к нему прежде, как-то незаметно поутихла, сменившись пониманием: меня ведь тоже по непонятной причине поставили в наряд. Плевать на выходной посреди недели. Это нечестно, просто нечестно. На месте Лукавого я бы похлеще матерился, если бы не сдерживал себя почти три года.

Вдохнул свежего летнего воздуха. Все-таки сложно дышалось, как бы ни расправлялись легкие.

Осталось "обрадовать" Рину и пятница станет "прекраснейшим" завершением хреновой недели. Вспомнился закон Мерфи: если плохое должно случиться – оно обязательно

случиться.

Звонок. Я не удивлен: моя любимая жена все знает. Только бы материться не начать...

Глава 6. Закон Мерфи

– Вот она – красавица.

Среди обветшалых, скрюченных временем и растущими с неположенных мест руками владельцев, кто-то смастерил низкий сарайчик, где человеку пришлось бы проводить ночи исключительно лежа, сидя или в согнутом положении.

Но не собаке. Ей места хватало как раз: побегать за хвостом, не удариться мордой о потолок; существовать. Даже на цепь сажать не нужно.

Я улыбнулся. Игорь, наверное, думает, что мне собака нравится, что внутри моей головы пищит от умиления маленький пограничник в розовой пачке и с волшебной палочкой. А мне просто вспомнилось, как мы с двоюродным братом смастерили такое же подобие мини-сарайчика у бабушки во дворе, разделили его на две комнаты и играли под барабанную дробь дождя в карты, разрабатывая коварные планы как затащить в самодельную обитель девчонок. Мне было десять. Брату – одиннадцать. И мы оба были придурками.

Игорь повозился с обмотанным проволокой – на всякий случай, видимо – замком, пошарил по карманам.

– Ты же мне ключ отдал, – вспомнил я. Полез рукой в на-

грудный, где обычно собирал мелочь.

Пусто. Как и в другом нагрудном. Как и в остальных карманах. В штанах разве что дырку с палец нащупал, на самом дне левого кармана.

– Прекрасно! Куда бы еще я мог положить маленький ключ, как не в дырявый карман?!

– Успокойся. Я свой возьму.

Игорь постучал по себе, изображая несложную танцевальную хлопушку. Опустил руки.

– Опять забыл, – пробормотал он и, что есть мочи, дернул замок вниз.

Тот подчинился с третьего раза.

– И мне придется так открывать? – удивился я. Все-таки Игорю удача улыбнулась лишь с третьего раза – с его-то комплекцией. Надо мной она только поржет, пока я буду дергаться в припадках, открывая эту висящую железяку.

Услышав звонкий удар, внутри сарая закопошились. Серая тень, которую Игорь обозвал красавицей, мелькнула за сетчатой дверцей. Затихла.

И тут началось.

Мне показалось, что дверца разделяет двух людей и свору тасманийских дьяволов в период полового созревания. Сарайчик затрясся, задребезжал сеткой; не хватало только куриных лап, вылезших из-под песка, после чего сарай в панике убежал бы в сторону леса.

Игорь не спешил снимать замок.

– Она долго так будет? – спросил я.

– Нет, не долго... не долго. – Игорь почесал затылок, улыбнулся – нелепо получилось. – Но лучше сейчас ее не трогать. Давай закрою.

– погоди, а как я к ней заходить буду? Через дыры в сетке корм проталкивать и воду струйкой пускать? Она и укусить может!

– Она не укусит, – Игорь вдруг посерьезнел. – Она хочет на волю и радуется тому, что к ней пришли. Думает, мы выпустим.

Он достал пачку сигарет. Закурил. Пустил дым снова в сторону, подальше от меня и собаки, но ветер все равно по-своему решил. В который раз я заметил, что сигаретный дым, куда бы он не выдыхался, с явным удовольствием возвращается к некурящему. Мол, зачем тебе, зожнику, здоровые беречь, если каждый день легкие разъедает городской воздух?

– Это будет штурмовая собака, – невзначай сказал Игорь, потягивая черную смерть через белый фильтр.

– Это какая?

– Готовая убивать. В любое время. В любых условиях. И в воду и в огонь. На пули, на взрывы – плевать.

– Безмозглая машина для убийств?

– Абсолютно. Но с мозгами.

Игорь затянулся в последний раз и потушил окурок, втаптывая его в доску. Быстро же скурил. Нервничает, что ли?

Почему?..

– Я точно не стану ее первым... ну...

Смеясь, Игорь похлопал меня по плечу.

– Расслабься. Убивать она будет только по команде. А пока – она белая и пушистая.

– Черная и пушистая, – уточнил я.

Игорь не ответил.

Псина попытала удачу на прочность, всем телом набрасываясь на сетку, но та, к счастью, выдержала. Вернее, замочек спас. Небольшой, хиленький, но спас.

Пока Игорь обматывал замок проволокой, я внимательно слушал его инструкции по уходу. Их было немного.

– Чтобы ты не заморачивался, корм бросай в миску с водой. И попьет, и поест – она не привередливая. В другую миску, ту, что поменьше, нальешь воды и пусть она там и стоит. Выгуливай по возможности. – Заметив мой вопросительный взгляд, добавил: – Поводок и ошейник у меня в тумбочке в преподавательской.

– А где выгуливать?

Игорь махнул рукой за пятиэтажку.

– Можешь возле озера или в лесу, сбоку от территории лесхоза. Разберешься. Вопросы есть?

Я закатил глаза.

– Больше не спрашивай, хорошо? На кого не плюнь, все только это и спрашивают. Звучит так, будто еврей говорит: вы добавку будете?

– Значит, вопросов нет. Пошли.

Через пять минут из-за поворота выплыл бежевый в синюю полоску бусик. Игорь махнул ему рукой. Бусик начал притормаживать метров за пятьдесят. Неудивительно: тормоза его скрежетали так неистово, словно вместо колодок под каждым колесом спрятался маленький азиат, тормозящий ладонями по асфальту.

И тут я вспомнил.

– погоди, а свои ключи когда ты сможешь отдать? – доводилось говорить громче из-за вопящих под колесами буса азиатов.

– Видел, как я открывал? Ну вот. Дерзай.

Бус наконец-то остановился прямо напротив Игоря. Тот хмыкнул, пожал мне руку, уже глядя в салон, и нырнул внутрь. Только тогда до меня дошло, что спросить самое главное я-то забыл.

– Как ее зовут?! – крикнул в автоматически закрывающуюся дверь.

Игорь что-то сказал водителю и тот одним нажатием отвел между нами стеклянную ширму.

– Сирена, – ответил он, собирая на себе любопытные взгляды пассажиров. – Давай там. Держись.

Бусик одарил меня выхлопами, набирая скорость. Азиаты больше не визжали, уносясь вдаль прямой ухабистой дорогой, ведущей к цивилизации – во Львов. По крайней мере, в том направлении.

– Сирена... – я повертел кличку на языке: есть что-то притягательное в ней, необычное. Спасибо за то, что это не Рисса какая-нибудь. Или Лаки; с кличкой Лаки вообще отдельная тема. Работая в ветеринарной клинике я заметил, что псы – а называли так именно собак, к котам эта кличка не клеилась – стабильно поступали к нам с переломами, травмами и болезнями, требующими немалого времени лечения и, соответственно, финансовых затрат. Определенно "счастливая" кличка приносила хозяевам сплошные неудачи. Хоть вешай табличку на рецепшне: "Уважаемые хозяева! Называя питомца Лаки, вы обрекаете его на тяжелую судьбу. Одумайтесь!".

– Надеюсь, быть как сирена она не будет.

Легкий послерабочий ветерок подгонял меня домой. Проходя мимо сарайчиков, где от меня зависело живое существо, а другое было "героически" спасено еще утром, телефон тренькнул смской.

"Где ты пропал"?

Рина.

Пятиэтажка стала проноситься быстрее и быстрее. Дыхание и ноги задали свой ритм. Я и не заметил, как лицо растянулось в улыбке, предвкушая радостную встречу после дурацкого рабочего дня. Не о наряде сейчас думалось; отказ в отпуске не терзал, пока что, душу.

Жена встретила меня на пожелтевшем крыльце через три минуты. Запыхавшегося и взъерошенного как воробей.

"Капитан Джек Воробей" – подумал я. "Лейтенант Кирилл Домс" – подумала про себя Рина.

– Пахнет неповторимо, – сказал я, обнимая ее.

– Тебе понравится, – пробурчала она в китель.

Ее темно-каштановые волосы щекотали мне нос, приятно и породному. Запах древесных духов – стойкий, но не приторный – витал вокруг нас, от чего реальность превращалась в вымысел, а все, что действительно существовало в данный момент – это моя жена, я и аромат духов.

"Пусть вечер будет только наш" – решил я.

Спустя десять минут я выключил телефонный разговор, отказав Саше в помощи нелепой ложью.

Не сегодня, товарищ. Не сегодня.

– Все взял?

– Кажется, да.

– Точно? Бутерброды, чашку, чай, ложку...

– Не пересчитывай. Точно взял.

– А лоток?

– Он на самом дне. Лежит приятной тяжестью. Спасибо тебе.

– Ой, я тебя прошу, – отмахнулась Рина и обняла меня. – Надеюсь, с голоду не подохнешь.

Я засмеялся. В прямоте Рине не откажешь.

– Точно. Не подохну. Как я выгляжу?

Рина склонила голову набок, сложила большие и указательные пальцы в подобие рамки и хорошенько присмотрелась, фокусируя пальцами. После задумчивого "м-м-м" – наверняка она балансировала между совестным ответом и честным – Рина выдала:

– Как евнух, первый раз посетивший бордель.

– В смысле?

– В смысле, это место не для тебя. Форма на тебе не сидит не лежит не стоит. Она *вообще* тебе не идет. Но... скажи спасибо своей кафедре.

– Они хотели как лучше, – сказал я. Не знаю, правда, оправдательно это звучало или с сарказмом. Где-то посреди-не, наверное.

– Он *думали*, что хотели, как лучше, – сквозь зубы про-цедила Рина. – На самом деле мы сидим в жопе без воды и туалета. Мы могли бы давно жить в Европе...

– А живем без воды и туалета... Это я виноват. Если бы я не подписал контракт, Рин...

Она молчала, но внутри кипела не переваренная злоба. Я это прекрасно понимал: в конце концов, не будь я дебилом, послушно разрешающим вешать себе на уши километровую лапшу, мы бы и не узнали *как* живут на западе страны люди. А жили они не очень.

– Все, иди. Разозлил меня. Я только успокоилась через твои наряды, как тут...

Чтобы не накатила новая волна, я быстренько сгреб Ри-

ну в охапку и крепко прижал к себе. Так и задушить можно было, но так еще и любят, подумал я. Ее аромат опять меня окружил сладким дурманом. Я вдохнул поглубже, чтобы Рина оставалась со мной в наряде как можно дольше, пусть и ментально. Все-таки, впереди длинная бессонная ночь. Одинокая ночь.

– Если Мостки – жопа, что же тогда в АТО творится? – полюбопытствовал я.

– Там другое слово. Тебе оно не понравится. С Богом.

Рина пригладила мой берет.

– На удачу? – спросил я, машинально потянувшись к нему. Едва теплый.

– Хотя бы не так чмошно, – улыбнулась она. Взглянула на телефон. Ойкнула – звук напомнил стук ножа по хрустальному бокалу. – Уже без десяти пять! Бегом марш! Я с окна тебе помашу. Давай давай давай!

Поцеловав ее еще раз – Господи, мне уже эти военные правила осточертели, а я в них еще толком и не влился – я выбежал с веранды, потряхивая за спиной суточной провизией в рюкзаке. Столовая, конечно, кормит тех, кто в наряде, но мне там предложить ничего не могли. И непременно обозвали бы балованным. А за глаза – сектантом.

Воскресенье, третье сентября. Поймав воздушный поцелуй от Рины – на всякий случай она еще и перекрестила дорогу – я отправился не спеша на работу. Не спеша, потому что плевать я хотел на их пунктуальность, которая касалась

кого угодно, но не кричащих больше всех о пунктуальности офицеров. Что ж, сердце у меня каменное, должно выдерживать брызжущие слюной физиономии.

Навстречу, весело хихикая и держась за руки, шагали четыре девочки, лет десяти-двенадцати. Они щебетали, как соловьи со своими предрассветными балладами, перепрыгивали выбоины сельской дороги, и просто радовались жизни. И выходным, даже несмотря на то, что через пять часов они закончатся теплой постелью, а завтра наступит очередная неделя промывания мозгов школьной программой.

— Куда это вы, дядя Кирилл? — спросила одна из них, невысокая, с красивой улыбкой и двумя большими передними зубами.

— На работу, — я театрально развел руками. — Никогда, девчонки, не идите в армию. Заключают!

Они дружно посмеялись, пожелав спокойной смены.

Хорошие дети, искренние. Помимо тех, кого мне доводилось видеть: диких, дерганных, зомбированных планшетами и смартфонами, при чем возраст колебался от трех до шестнадцати. Эти девочки, похоже, не заморачивали свою голову черным зеркалом, не окунались туда с головой, как в бездонный водоворот информации, а просто гуляли по улице, веселились, обсуждали то, что обычно обсуждают двенадцатилетние девочки. Одна из них была помладше, но увлеченно слушать и вставлять время от времени реплики ей возраст не мешал.

– Спасибо вашим родителям, что нормально воспитали, – сказал им на прощанье, но компания скрылась за поворотом, где, как я заметил, проходя до этого мимо, меланхолично пожевывали траву две лошади в ухоженном дворике.

По дороге я забежал к Сирене, быстренько покормил ее, как рассказывал Игорь, погладил немного и все. Щелкнул колодкой – поддалась она по приходе со второго раза, правда, не без помощи камня, – воды в отдельную миску не наливал. Пусть так денек побудет. И поест, и попьет одновременно.

Сирена проводила меня безумным мотанием по сараю, который трясся так, что будь неподалеку какая-то бабка – с охами свалилась бы на пол или убежала бы в дом прятаться под стол, рассказывая потом на лавочке подругам о жутком землетрясении, минимум баллов в шесть.

"Как там наша Яра?" – всплыло вдруг у меня в голове. Скучает ли, услышала ли бабушка наши просьбы или пропустила, как всегда, мимо ушей, разрешая нашей дочери бегать в тесную, забитую хламом и тряпьем комнатку, в которой милая тётя (когда она уже свалит оттуда) включает дебильные познавательные программы на ютубе, где разве что презерватив надевать на банан не учат? Она, Яра, ведь совсем маленькая. Почти четыре года, но все равно маленькая наивная девочка, любящая своих родных. А сейчас ей даже со сверстниками толком не поиграешь. Достигнув того возраста, когда они могут ходить, бегать и сознательно иг-

ратся с другими, не отнимая игрушки и не сидя в песочнице с крокодильими слезами, потому что чей-то ребенок бьет его лопаткой по голове уже десять минут подряд, начинают проясняться некоторые детали их маленького, но вполне сформированного общества. Эти детали бросаются в глаза только взрослым и то, если они наблюдают, а не подают пример отпрыскам, безостановочно водя пальцами по экрану. Например, в детские игры старшим лучше не влезать. Вообще. Иначе подобные прогулки напоминают "время для отдыха на свежем воздухе", как это принято делать в тюрьме. Надзиратели контролируют каждый шаг своего пухлого любимчика, и не дай Бог кто-то косо взглянет в его сторону – разъяренный родитель мчится к трехлетнему обидчику как бык на тряпку, перебирая в голове всевозможные болевые захваты и приемы. Потом детей обзывают дикими и необузданными, пока с ноздрей вырываются яростно струи пара, как в мультиках показывают; своих детей они, естественно, контролируют после таких инцидентов еще больше и впредь играют лишь с теми, кого, судя по поведению, дома пичкают барбитуратами, а вместо леденцов угощают «димедролом». Недоуменный ребенок учится у родителей, что так положено. Это же взрослые, им наверняка видней! А я что? Я, вон, пойду песок поем.

Поэтому, правило номер один я усвоил навсегда: дети должны играть сами, и вмешиваться нужно лишь в крайних случаях, когда дело доходит как минимум до лопат-

коприкладства. И достаточно переключить их внимание на что-нибудь другое – тогда проблемы, в основном, решаются без потерь. Ибо объяснять ребенку, что так делать плохо, бесполезно. То же самое, что заядлому курильщику о вреде сигарет рассказывать.

Погрузившись в чертоги разума, я вылез оттуда лишьazole части. Вернее, меня вытащил настойчивый автомобильный визг колес и слишком быстро приближающийся капот серого седана. Я даже не успел сообразить, что происходит, но в голове из подсознания вылетела единственная фраза: мистер Мерседес. Наверное, у машины хорошие тормоза, иначе я бы рассматривал сейчас мир расплюснутыми глазами.

Дверца со стороны водителя резко открылась. Выбежала женщина в сером спортивном костюме "Адидас".

"Оригинальный, наверное" – подумал я.

– Боже мой, с вами все в порядке?! – женщина трогала меня со всех сторон; убедилась, что кости на месте, не валяются позади меня в нескольких метрах, а перед ней лишь телесная оболочка, не успевшая упасть. Повернулась к Мерседесу, бегло осмотрела капот. Ни царапины. Да и смог бы я как-то повредить *такую* машину?

– Все ок, – все, что я смог выдавить из себя, хотя в голове будто рой мыслей разворошили. Хорошо, что за рулем женщина, не то я бы сейчас лежал на асфальте, осыпaeмый градом проклятий, нехило пополнивших бы мой словарный

запас, и щедрыми оплеухами от какого-нибудь бизнесмена, отличающегося от борова разве что жесткостью щетины.

– Там светофор мигал.. желтым... Я... Я думала, что успею...

"Все так думают... Только успеть мог бы я".

Женщина кудاختала возле меня, как самая заботливая насадка в курятнике. Достала зачем-то пачку «Принглс», наполовину пустую, и предложила мне, заявив, что ее они успокаивают. Я бы не удивился, если она в тот момент пыталась достать очередной чипс и проскочить проклятый вечно мигающий желтый. С чем они там? С барбекю?..

– Я пойду, – отморожено сказал я и пошел, не посмотрев на другую полосу. Благо, там не оказалось еще одного серого Мерседеса.

– Вы сможете...

– Смогу. Спасибо.

Женщина стояла у обочины с широко распахнутыми карими глазами. Волосы цвета вороного крыла были прямыми и достигали ровных, в каком-то смысле даже прямоугольных, плеч. Может, она занимается плаванием, учитывая финансовые возможности ее мужа. И машина, скорее всего, принадлежала мужу, потому что такие дамы предпочитают что-нибудь поярче. Хотя, это всего лишь мое мнение, составленное благодаря фильмам и общественным предрассудкам. И то, не до размышлений мне было. Я просто пересек КПП через ворота – дежурный, наверное, следил за происходя-

щим, и решил не останавливать плывущее напрямик к воротам тело – услышал, как что-то громко щелкнуло позади, но внимания обращать не стал. Бездумно поплелся к отделу переподготовки, где на первом этаже в кабинете с мониторами коротали сутки двое бравых военных: дежурный и его верный помощник. На страже целой части. Бок о бок. Как царь Леонид и Агис. Как Бэтмен и Робин.

"Как Биба и Боба" – удачней подсказал мозг.

– Кирилл! Ты на часы смотрел?! Где тебя носит?!

"Другого приветствия я и не ожидал".

И голос довольно знакомый был. Громкий, звонкий, уверенный...

– Игорь? Ты что, дежурный сегодня?

– А ты что – пил?

Неплохое предположение. Ко мне оно особенно относится.

– Ты про глаза? Меня автомобиль чуть не сбил. Мерседес.

Я не знал, как на это отреагирует Игорь. В глубине души – разбалованный все теми же фильмами и толерантным европейским обществом – я надеялся на мягкость сердца человека с фамилией Алмазный. Сейчас он посочувствует и отправит меня домой с тяжелой моральной травмой, а в понедельник решит вопрос с отпуском, чтобы реабилитация прошла максимально эффективно. Ведь я смотрю за его собакой, а он должен быть в командировке.

Что-то, видно, не сошлось.

Игорь кивнул в сторону плаца.

– Там люди стоят. Ждут нас. Беги быстрее первым, построь их на плацу в две шеренги. Знаешь, что такое шеренга?

– Две линии.

– Во. Красавец. Беги давай. Я следом пойду.

– А что говорить-то? – я заступал впервые, и времени на подготовку у меня было ровно ноль целых ноль десятых. Как и желания.

– Ставай, равняйся, смирно, напра-во, на плац шагом марш, – тараторил Игорь, сбавляя темп. – Запомнил?

– Кажется, да.

Вроде несложная комбинация команд. В третьем "Мортал комбате" фаталити были посложней.

Повторив сказанное Игорем в правильном порядке, винтик военной части пришел в действие. Дежурные разных отделов, патрульные и дневальные скрипнули суставами, поправили зеленые пельмени и отправились, стаптывая подошву берц, на плац. Остановились также по команде. Развернулись ко мне лицом. Застыли.

Довелось как-то раз пробежать мимо построения в один из дней: помощник дежурного фразу тогда выкрикнул специфическую, но кто его знает, нужна ли она была сейчас. Что ж, можно и повыпендриваться разок:

– Дежурным по части заступает капитан Алмазный. Равнение налево!

Отрекомендоваться Игорю так и не успел – он махнул рукой "отставить", прошел мимо меня и вытянулся струной прямо по центру шеренг.

– Здравствуйте, товарищи пограничники!

– Здравия желаем, товарищ капитан! – вразнобой прогремел необузданный хор.

– Плохо, ребята, плохо. Еще раз!..

Пяти минут хватило капитану Алмазному, чтобы народ осип, но поздоровался синхронно. Мне из-за его проделок пришлось хорошенько поднапрячь слух, записывая фамилию, звание и куда заступает каждый из присутствующих, так как охрипшие голоса напоминали скрипучие больничные койки либо ветерок в кукурузном поле; последнее больше наблюдалось у женщин.

Подозвав к себе старшего дозора, Игорь вытащил с кармана продолговатый кусочек бумаги, развернул перед ним. Начальник дозора кивнул и забрал бумажку себе, на которой значилось всего два слова: Кировоград/Луцк. Вернулся с автоматом в строй – к своим, зелененьким человечкам – после чего Игорь заговорил:

– Все, кто не может нести службу по каким-то причинам – выйти из строя!

"Можно я выйду? Я уже фактически вышел, а?"

Увы, мыслей Игорь не читал.

– Нету таких? Хорошо. Тогда ставай. Равняйся, смирно!

Игорь вытянулся, приложил правую ладонь к прилизан-

ной стороне берета и произнес то, чем прикрывает задницу каждый хоть-как-то-умеющий-соображать военный:

– Во время несения службы приказываю строго придер- живаться правил безопасности! Напра-во! По местам несе- ния службы шагом марш!

Стоят взрослые люди, некоторые уже давно старики, неко- торым девятнадцать только исполнилось и в наивных удив- ленных глазах уже виднеется тусклость и безразличие, – а шапки-то у всех одинаковые, все стаптывают одинаковые берцы, ходят под одним колпаком. И стар и млад.

– Печально...

– Что печально? – не понял Игорь. Подчиненные покину- ли плац – будто овцы пастбище покидают – и разбрелись ас- фальтированными тропинками кто куда.

– Стоит мужик лет под шестьдесят и склоняет голову пе- ред нами. Неправильно это.

Игорь засмеялся.

– Ну ты скажешь! Я его в армию не тянул. И вообще, с армией связываются либо тупые, либо по глупости.

– Значит я по глупости.

Игорь свой ответ не озвучил.

– Беги в дежурку, попроси оружие выдать. Кобура есть? Я мотнул головой.

– Просто так оружие выдают? – никаких психологических тестов я не проходил, никаких карточек не получал, нигде не расписывался. Приходи бери все, что хочешь, амиго! Пээмы,

калаши, клейморя, эфки. Так, что ли?..

– В смысле, просто так? Погоди, за тобой закреплен ПМ или нет?

Мимо пробежал пухленький прапорщик, похожий на пончика. Пыхтя, поздоровался быстренько, на ходу пожал руку Игорю. И мне. Рука оказалась потной.

– Нет, наверное. Я не знаю.

– Зашибись... – Игорь прикусил нижнюю губу, посмотрел на курилку – там что-то бурно обсуждали двое девушек и парень, все одетые в гражданское. Потянулся к нагрудному карману, выступающему прямоугольником. – Сделаем так: будешь без пистолета. А спросят – сделаешь доброе лицо. С тебя все равно спроса... ну ты, Кирилл... что ты здесь забыл вообще?

– У меня тот же вопрос. Ты говорил, что в командировку уезжаешь. А теперь мы в наряде стоим вдвоем...

– Кирилл, Кирилл, Кирилл... меня поставили – я и стою. В этом минус армии. И стар и млад, да? Кстати, как пес?

– Да нормально. Пес как пес. Ластится. Кушает. Живет.

– Гулял?

– Еще нет. Но погуляю.

– Ладно.

Он не дотерпел до курилки. Спрятался у входа в здание, прямо под окном, и с явным успокоением затянулся ослепительно-белой сигаретой, словно она подчеркивала всю иронию ситуации: твои зубы пожелтеют, а я останусь белой; твои

легкие превратятся в черное месиво, а я все равно буду сверкать белизной бумаги. Белая снаружи – черная внутри. Прямо как те, кого я использую.

Вдруг завибрировало в штанах. Достал телефон. Рина.

– Привет, солнышко.

"Главное не обмолвиться о Мерседесе" – мысленно повторял как мантру.

– Привет. Слушай, я тут подумала. Пока ты в наряде, я не особо хочу сидеть дома одна...

Так обычно начинались наши приключения. Вернее, эти слова служили неким катализатором судьбы, которая лениво вытаскивала с шарообразной вазы скомканный фант со списком интересных событий, имеющих общее название "все через жопу".

– И что ты придумала? – вкрадчиво спросил я и вошел в здание, но не свернул направо – к дежурке, – а взял левое направление, в самый дальний угол, где не возьмет ни одна камера. В принципе, я смутно догадывался, что хочет предложить Рина. На ее месте я поступил бы точно так же.

– Чтобы время зря не терять, ты взяла билет на вечер на Винницу, а завтра утром оттуда уедешь, но с Ярой. Угадал?

– Откуда ты знаешь? – Рина явно округлила и без того большие красивые глаза. – Ты читаешь мои мысли?

– Почти. Просто я тебя люблю.

– И я тебя, – сказала Рина. От ее слов в груди потеплело. – Что скажешь?

– Скажу, что ты чересчур самостоятельная.

Рина издала губами звук, который производит подушка-пердушка, когда на нее садятся.

– Я все сказала.

– Стой, а когда вы приезжаете? Кто тебя встречать будет?

Рина хмыкнула, будто вопрос мог номинироваться на "тупой вопрос года".

– Ты, конечно! Или у нас друзья есть?

– Разве что твой карлик-любовник, который в шкафу живет.

– Ну-ну. Может и он, – таинственно улыбнулась Рина. – С работы отпросишься. Не проблема. Ты все равно увольняться будешь.

"Буду, конечно, вот только как семью обеспечивать безработному"? Об этом я благополучно умолчал. Слишком много раз данная тема поднималась, напоминая рану, с которой постоянно сдирают не успевшую засохнуть корочку, и она кровоточит. Кровоточит и кровоточит раз за разом...

– Во сколько прибывает поезд во Львов?

Вместо ответа, телефон начал издавать короткие хаотичные сигналы. На фоне них говорила Рина:

– Так-так... сейчас, погоди... Ну блин, включайся давай! Долбанный сенсор... О, вот! Семнадцать двадцать восемь.

– Полшестого. Значит с работы в...

– Два! – радостно выкрикнула Рина. – А еще лучше – сейчас! Вместе поедem, а?

Было бы здорово, подумал я. Только вот поздно уже держаться за виски, ноя от несуществующей боли, или звонить Игорю с туалета, издавая убедительные аргументы своей неспособности заступить. Голубой вагон ушел, покачивая крокодилом с гармошкой, советским миниатюрным Чубакой и старухой с крысой. Па-па.

– Я постараюсь отпроситься. Надеюсь...

– Не постараюсь, – перебила Рина, похолодев в голосе, – а отпросишься. Понял? Молодец. Все, я побежала краситься. Целую тебя, вАенный.

Она смачно чмокнула в микрофон и отключилась.

– М-да... Что ж, квест обновлен, Кирилл. Задача: смотреть пораньше с наряда. Уровень сложности: пока неизвестный. Желаете приступить к исполнению квеста?

Лучше не сейчас. Отпрашиваться с работы еще толком не заступив, конечно, в моем стиле, но не думаю, что "квест" закончится успешно. А переигрывать в жизни гораздо тяжелее. В большинстве случаев – невозможно.

Не сказал бы, что дежурка была тесной. Неуютной? Да. Однако уют подразумевает комфорт и расслабленность, что может привести к сладкому сну с десяти вечера до шести утра. Иногда и несколько минут хватает, чтобы бомбу оставить у здания или завязать в отчаянии петлю на шее где-нибудь на чердаке. Тут же целых восемь часов. Просыпаешься, а вместо части – выжженная пустошь. И дежурка – чу-

дом уцелевшая – посреди эпицентра ядерного взрыва. Прямо картина маслом. Рисуи и подписывай от имени семилетнего ребенка – Коленьки там, или Петеньки. Патриоты это любят. Так легче своей просраной богачам страной гордиться.

– О, вспомни Домса – вот и он! – улыбнулся Саша.

Он сидел за столом перед громадным в наше время и отжитым свое монитором и балансировал на задних ножка стула, которыми обычно заставлены конференц-залы. Сам бодренький, но организм себя не обманет и выдаст по глазам: уставшим и соображающим.

– Там немного другая пословица. Обидная. – Я повесил китель на вешалку, напялил на штырь берет, почесал лоб. От берета постоянно оставался след на лбу, опоясывающий всю голову, будто кольцо дубовую бочку. К тому же, полоска жутко зудела. – Чем порадуешь?

– В кавычках, да? Люблю кавычки. Можно много хорошего наговорить, а потом раз! – и в кавычки. Вроде хорошо отозвался, но в итоге говном облил... Ладно, не об этом. Смотри...

Объяснял Саша недолго. Главными правилами считалось записывать все действия на территории части в рабочую тетрадку, не спать ночью и отвечать на звонки.

– Фактически, я буду секретарем.

– Радуйся, что не секретаршей. Иначе пришлось бы повышение выпрашивать... – Бевз сложил руку в кулак и потряс

им у рта.

– Культура бурлит, – подытожил я. – Повышение, благо, мне не нужно. Не такой ценой.

Мой взгляд упал на настенные металлические коробки позади соседнего стола.

– Это что? – ткнул я пальцем.

– Система сигнализации. – Саша привстал и подошел к стенке напротив. – Видишь надписи? Это различные кабинеты, начиная от командирского и заканчивая лабораторией. Нажимаешь на кнопку над надписью – комната ставится на сигнализацию. Все просто. Если же какая-то из лампочек мигает – значит, кабинет открыли. Тогда ты смотришь в камеру – вот эти два монитора, соседние – и вычисляешь, что за фрукт приперся. Камеры работают в режиме реального времени, то есть люди ходят как люди. Что еще? – он потрогал гладко выбритый подбородок, разглядывая комнату. – О! На подоконнике – телефон. На него звонят с дозорной. Когда услышишь, как что-то тренькает неразборчиво – поднимай трубку и говори: "да, открывали". Понял?

– Эмм...

– Правильный ответ, – улыбнулся Саша. – Они звонят всякий раз, когда дежурный вскрывает оружейную комнату. Она у тебя через стену. И вон... – Бевз показал на экране небольшой квадрат освещенной комнаты, в которой ютились громадные серые шкафы по обе стены.

– То есть, эта трещалка только принимает звонки. Верно?

– Конечно... нет. Ты тоже можешь им звонить. Знаешь как? Вот тут наши доблестные военные отдают дань прошлому веку. Берешь эту ручку, крутишь хорошенько и поднимаешь трубку. Спустя секунду там раздается каркающий голос. Вот и вся техника... Эй, ты здесь? – Саша щелкнул пальцами перед моим носом.

– Да тут я, тут, – шутливо отмахнулся. – По ходу дела я разберусь. Если что, переспрошу у Игоря.

Сашины глаза изумленно округлились.

– Алмаза? Ты с ним заступаешь?

– Да. Это плохо?

– Это... Сам увидишь, в общем. Дам лишь один совет: дозвониться к нему можно минимум с пятого раза. Если повезет. А пока... – Саша протянул мне руку, довольный тем, что передает наконец-то смену. – Пока.

Я крепко пожал руку. Улыбнулся в ответ.

– Спасибо.

– Да не за что. Подай берет, пожалуйста... Ага, спасибо. Ну, хорошей ночи.

– У нас в клинике кто такое желал – оставался с дежурными на ночь, – сказал я.

– Ну, здесь не ветеринарная клиника, – развел руками Саша, одевая китель. – Здесь зверинец. До завтра.

Я попрощался с Сашей, оглядел еще раз комнату. Теперь это мои владения меньше чем на сутки. Пять телефонов, два компьютера, три коробки относительно понятного назначе-

ния. И главная достопримечательность дежурки, без которой провести ночь офицеру, не сомкнув глаз, почти невозможно – телевизор. Пульт от него, триста раз перемотанный скотчем, лежал на столе помощника. Незаменимая вещь, если как можно скорее хочешь встретиться с двумя верными друзьями сидячей жизни: геморроем и варикозом.

– Ну что ж. Осталось пережить ночь.

Вскоре, эти слова будут преследовать меня всю жизнь.

Саша оказался прав во всем. В воскресенье почти никто не звонит, не интересуется жизнью нашей части и не ставит глупых задач. Один раз меня потревожили из Западного управления и захотели узнать, кто завтра выезжает на Львов. Я навешал им с три ведра лапши, так как листочек, в котором указывались отъезды всех автомобилей на понедельник, на то время лежал у дежурного парка, и я пообещал позвонить как только буду иметь данные на руках. О чем благополучно забыл.

Несколько раз забежали дежурные по отделу переподготовки, просили открыть оружейную комнату. Нужно было всего лишь щелкнуть тумблером на соответствующей панели. Задача не из легких, если ты туповат. Но я справился.

Помимо несущих службу, в дежурке объявился Осинов, затмевая дверной проем. Как нетленный образ лишних калорий, он держал в руках два пакета с продуктами и был спо-

койный как слон, разве что сильно жмурился от света лампы.

– О, здоровья желаю, товарищ лейтенант.

– Доброго вечера, – я оторвался от экрана: как раз вбивал имена заступающих в список, необходимый для командира на завтрашний день.

– Вы сегодня заступили?.. А, ну да. Глупый вопрос.

– Вы что-то хотели, Осинов?

Мне нравился этот курсант. Невзирая на язвительные насмешки, слишком лишний вес и детское – прямо как у неваляшки – лицо, Осинов оставался уравновешенным человеком, возможно даже довольным жизнью. В его глазах читалось спокойствие по отношению к вещам, которые он не мог изменить. Чем-то он смахивал на Сэма с "Игры престолов", правда, сезона с четвертого, не раньше.

– Да нет. С увольнения пришел. – Осинов приподнял пакеты, демонстрируя правдивость своих слов. – Хотите булочку? С повидлом!

– Честно, с уст почти тридцатилетнего мужчины это звучит странновато. Но давай.

– Ааа... – Осинов не шевельнулся.

– Что?

– Мне двадцать три.

– Ой... – только и смог из себя выдавить. – По тебе не скажешь. Выглядишь намного старше. Да и не девушка, чтоб обижаться на счет возраста.

– Да ладно, – Осинов махнул короткой мясистой рукой, однако в дежурку не вошел, с опаской, как мне показалось, покосившись на верхние углы стен.

– Камер здесь нету?

И правда – я как-то не подумал о камерах. Если следить за всем, то почему бы не следить за дежурным тоже?

– Чтобы я сам за собой смотрел? – хмыкнул я.

Осинов насторожено ступил в комнату, сильно прищурившись. Видно, свет хорошенько ему мешал.

– У нас на отделе камеры стоят. Чтобы начальник мог следить за работой персонала. Вот... – он положил на стол две булки. – К чаю – в самый раз. Это мои любимые.

– Спасибо, Осинов. Слушайте, как вас зовут? А то здесь всё фамилии да фамилии...

– Степан я. Степа. И ко мне можно на ты, если вы не против.

– Очень приятно, Степан. Я Кирилл. И ко мне тоже можно на ты.

Мы пожали руки.

– Нее, я так не могу, товарищ лейтенант. Как вас по отчеству?

– Андреевич.

– Тогда легкой вам службы, Кирилл Андреевич. Разрешите идти?

– Издеваешься, да? Формальностями своими... Беги, я тебя запишу. Вернее, не беги, а то... С тобой все в порядке?

Ты бледный как разжалованный полковник.

Осинов недоуменно уставился на меня; вздохнул тяжело, пытаясь понять, от чего ж стало плохо. Глянул вниз.

– О, так и не отпустил! – сказал он пакетам. – Тяжело немного держать.

– А, ну тогда я тебя больше не задерживаю. Хорошего вечера.

– И вам! – улыбнулся Степан, развернулся и, довольный, зашагал к спальному помещению, шурша пакетами.

– Добрый человек, – сказал я в пустоту.

Таких сейчас немного, тем более в армии. В основном, все нацелены на собственное благополучие любой ценой и, желательно, самым коротким, легким и доступным путем. Нагрести как можно больше, пока доильня открытая, и радоваться тому, что удалось оттяпать кусок пирога якобы побольше, неважно чей он и кто этого куска лишился. Ведь на халаву все падкие, ведь деньги с воздуха не берутся – это общеизвестный факт. А если вдруг и берутся, то почему воспользоваться таким шансом – грех? Это коррупция? Нет: наш человек отбирает свое, украденное у него соотечественником. О какой помощи может идти речь, если сосед колесит по миру и обкатывает европейские дороги новеньким Мерседесом, в то время как бедный недооцененный прапорщик, который и прапор в руке никогда не держал, хочет тоже немного пожить красиво, даже если он палец об палец не ударил и не собирается? Таков уж принцип современно-

го украинца: если на соседнем огороде растет груша, а ветви свисают на твою сторону – тебе повезло. Можешь спокойно жрать чужие "свои" груши и ждать многочисленных судебных разбирательств. Кайдашевая семья размером с целую страну жадно отрывает от общей груши что угодно: ветви, листья, корни, а если плод попадется – вообще прекрасно. Лишь бы семье досталось. Остальные пусть гниют. Вот такие мы патриоты нашей страны. Гордо стоящие по вторникам на плацу с рукой на сердце и гимном на устах; смотрим на развевающийся на ветру желто-синий флаг, который держит нашу честь за яйца, и в случае пожара или иной катастрофы орет: спасайте меня и флаг части! Сперва мы! Люди потом! Так решил статут!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.